

СУБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И МОЗГ. К ВОПРОСУ О «ТРУДНОЙ ПРОБЛЕМЕ СОЗНАНИЯ»

Д.И. Дубровский

Проблема сознания стала в наше время чрезвычайно актуальной. Это вызвано бурным развитием информационного общества, процессами глобализации, крупными достижениями науки, бросающими вызов традиционным ценностям и мировоззренческим представлениям. В тех ее аспектах, которые связаны с научными исследованиями психики, мозга, информационных процессов на первом плане продолжает оставаться проблема «сознание и мозг». Вот уже более полувека она находится в центре внимания аналитической философии, представлена в ней поистине огромной литературой (порядка тысячи книг и сборников, не говоря уже о статьях).

Опыт разработки в аналитической философии проблемы «сознание и мозг» (mind-brain problem) представляет значительный интерес и пока еще у нас недостаточно освоен. Между тем эта проблема приобретает сейчас стратегическое значение для конвергентного развития нанотехнологий, биотехнологий, информационных и когнитивных технологий (НБИК), которое в существенной мере будет определять судьбу земной цивилизации.

Важно подчеркнуть, что проблема «сознание и мозг» в отличие от классической психофизической проблемы является по своему существу *научной* проблемой, хотя и включает важные философские аспекты, связанные, главным образом, с истолкованием сознания; и они оказывают значительное влияние на ее разработку. Здесь на первом плане онтологические и эпистемологические аспекты исследования, которые ставят трудные теоретические вопросы.

Несмотря на интенсивные дискуссии и чрезвычайное обилие публикаций, трудно говорить, что в аналитической философии достигнуты какие-то крупные концептуальные прорывы. Создается впечатление о несоразмерности гигантского полувекового труда и его результатов. Однако именно в рамках этого философского направления, как ни в каком другом, ведется столь длительная, систематическая и целенаправленная разработка указанной проблемы. И она требует квалифицированного критического рассмотрения, что является важным условием дальнейших творческих поисков и решений.

Недавно вышла книга В.В. Васильева, в которой масштабно рассмотрены основные идеи и результаты аналитической философии в области разработки проблемы «сознание и мозг», критически проанализированы концепции ряда ее видных представителей. Более того, В.В. Васильев предлагает собственное решение этой проблемы (его концепцию я попытаюсь подробно рассмотреть ниже).

Его книга дает хороший повод для подробного анализа основных теоретических трудностей проблемы «сознание и мозг». Будучи историком западной философии, автор прекрасно осведомлен о положении дел в современной аналитической философии, лично общался не раз с крупными ее представителями на конференциях и в неформальной обстановке (в книге весьма интересны описания его встреч с Д. Деннетом, Д. Чалмерсом, Н.Блоком, М. Маккинси и др.). Книга В.В. Васильева содержит обширный, наиболее репрезентативный в нашей философской литературе материал по главным вопросам дискуссий в современной аналитической философии; ее библиография насчитывает более 300 англоязычных источников. В этом ее несомненная ценность для всех, кто интересуется проблемой «сознание и мозг».

В центре внимания автора так называемая «трудная проблема сознания» и три главные фигуры – Дж. Сёрл, Д. Деннет и Д. Чалмерс. По его словам, «речь идет о ведущих философах начала XXI столетия» (1, с.248). Он весьма подробно анализирует их взгляды на фоне сложного переплетения различных идей, мнений, подходов, характерных для современной аналитической философии.

Заслуживает поддержки общая позиция В.В. Васильева, ориентированная на теоретическое решение философских вопросов, подчеркивающая связь философии с опытом здравого смысла. Это относится и к его довольно резким критическим оценкам претензий «ведущих философов» на решение «трудной проблемы сознания».

Недостатком книги является то, что В.В. Васильев игнорирует работы своих отечественных коллег, которые основательно занимаются проблемой «сознание и мозг» (А.Ю. Алексеев, С.Ф. Нагуманова, Н.С. Юлина и др.); публикации ряда из них не приведены даже в общем списке литературы¹, который в отношении упоминаемых в нем отечественных авторов носит нередко декоративный характер.

Наверное, я обязан сказать и о том, что автор оставил без внимания не только три мои статьи, специально посвященные критическому анализу концепций его главных фигурантов – Дж. Серла, Д. Деннета и Д. Чалмерса (см.:7; 8; 9), но и пять (!) моих книг, в которых все основные сюжеты его книги подробно обсуждались, начиная еще с 1971 года (10), когда мною был предложен информационный подход к проблеме «сознание и мозг» и предпринята попытка ее теоретического решения. Эта концепция развивалась в последующих моих книгах и статьях (11; 12 и др.). Мне кажется, что автор, претендующий на решение проблемы «сознание и мозг», обязан был рассмотреть и подвергнуть основательной критике альтернативную концепцию своего коллеги. Вместо этого он только в одном месте своей книги и лишь в разделе примечаний высказывает в нескольких строчках свои сомнения по поводу трактовки мной понятия информационной причинности (1, с.185). Надо ли говорить, что всякая авторская концепция должна пройти тщательный критический анализ. Каждый из нас остро нуждается в серьезном оппоненте. Я ожидал встретить его в лице такого эрудированного специалиста как В.В. Васильев. К сожалению, этого не случилось.

Отчасти можно оправдывать это типичной ситуацией в нашей философской жизни, крайне бедной принципиальными дискуссиями. Слишком уж часто авторы пишут и пишут о своём, не очень-то замечая работы своих коллег на ту же или близкую тему. С другой стороны, анализ альтернативной концепции – большая работа, она требует немало времени и серьезных усилий, способна к тому же нарушать комфорт привычных ходов собственных мыслей, затрагивать амбиции и т.п. Но есть тут и вопросы научного этоса, связанные нередко с клановой приверженностью, намеренным замалчиванием инакомыслящих или недобросовестным изображением их взглядов.

В.В. Васильев может сослаться на то, что рассматривает разработку проблемы «сознание и мозг» в рамках западной аналитической философии. Но ведь это – фундаментальная проблема, речь в его книге идет о ее анализе и решении, что исключает какие-либо «территориальные», языковые границы. Она должна рассматриваться в контексте всех существующих исследований.

Надо отдать должное автору: он уверенно, прямо и зачастую эмоционально высказывает свои суждения и оценки по широкому кругу спорных вопросов проблемы «сознание и мозг». Его книга дает хороший повод для дискуссий, и в этом также ее немалая ценность. Я считаю своим долгом воспользоваться таким поводом в надежде, что это послужит преодолению своего рода изолированности между философами, которые занимаются у нас проблемой сознания, будет способствовать развитию между ними плодотворных дискуссий.

1. «Новости» от Д.Чалмерса?

В последние годы заметно увеличилось число наших коллег, которые принимают участие в разработке проблемы «сознание и мозг», опираясь на материалы аналитической философии. Однако, на мой взгляд, многие из них слишком увязают в специфических концептуальных структурах, выработанных аналитической философией, не выходят за их пределы и постольку зауживают свое видение возможностей теоретической разработки этой проблемы. Отсюда и проявления апологетики в некоторых публикациях, сильное стремление быть «совсем своим» среди представителей аналитической философии. Это наблюдается даже у тех, кто подвергает их концепции резкой критике, ибо она ведется как бы «изнутри», не покидая русел сложившихся там критических обсуждений. Они как бы «не замечают» иных подходов, иных концептуальных возможностей, в том числе многообразных теоретических результатов и обобщений, свя-

¹ Для примера укажу на весьма содержательные работы С.Ф. Нагумановой (2, 3, 4) и А.Ю. Алексеева (5), опубликованные в центральных журналах, а затем в коллективной монографии (6) В них автор книги мог бы найти немало для себя полезного.

занных с новейшими достижениями нейронауки, которые способны существенно стимулировать и корректировать философские размышления и средства анализа проблемы. Мы видим, что эти авторы зачастую используют в качестве *оснований* для своих рассуждений и выводов обкатанные клише, точки зрения, оценки, бытующие в аналитической философии, которые, однако, способны вызывать серьезные возражения. Это ярко проявляется и у В.В. Васильева при рассмотрении им так называемой «трудной проблемы сознания».

Как известно, термин «трудная проблема сознания» был пущен в оборот Д. Чалмерсом в 1994 году на Туссанской конференции и, как пишет В.В. Васильев, «обеспечил ему мгновенную славу», эта конференция «принесла ему мировую известность» (1, с. 152). В.В. Васильев многократно подчеркивает эту заслугу Чалмерса, подробно рассматривает те его публикации и даже рукописные материалы, в которых автором «готовится почва для появления на свет «трудной проблемы сознания»» (там же, с.153). Чалмерс, по его словам, является тем философом, «который, собственно, и изобрел «трудную проблему»» (там же, с.140), выступает ее «первооткрывателем» (там же, с. 176, 190 и др.).

Но в чем же здесь новация? Оказывается в том, что есть «легкие проблемы» сознания, такие как дискриминация и категоризация внешних стимулов, контроль поведения, словесные отчеты и др., для которых имеются адекватные методы исследования. А «трудная проблема» состоит в объяснении самого качества субъективной реальности («субъективного опыта», как предпочитает выражаться Д. Чалмерс). Но ведь как раз в этом и заключается суть проблемы сознания, поскольку специфическим и неотъемлемым качеством сознания является именно субъективная реальность. То, что относится к «легким проблемам сознания» представляет собой лишь объективированные проявления сознания. Здесь качество субъективной реальности вынесено за скобки и сознание в точном смысле не является предметом исследования и объяснения. При более же глубоком подходе к приведенным явлениям (контроль поведения, состояние бодрствования, словесный отчет и др.) неизбежно всплывает вопрос о роли качества субъективной реальности. Поэтому разграничение «легкой» и «трудной» проблем весьма условно и, в общем-то, мало продуктивно, что неоднократно отмечали многие авторы (в том числе и я). Единственный полезный момент такого разграничения состоит в том, что в пику редукционистским установкам подчеркивается и лаконично обозначается подлинная суть проблемы сознания.

Что же тут нового, кроме слов? Вот формулировка «трудной проблемы», данная Чалмерсом, которую воспроизводит В.В. Васильев: «Как мозг может быть основой субъективного опыта?» (1, с. 36). Но ведь тот же вопрос четко ставился еще И.П. Павловым: «каким образом материя мозга производит субъективное явление» (13, с. 247). Этот ключевой вопрос был на первом плане и подробно обсуждался в 60-70-х годах прошлого века многими советскими философами (А. Г. Спиркиным, В.С. Тюхтиным, А. М. Коршуновым и др.). Проблема субъективной реальности как специфического качества, без которого нет сознания, и связь этого качества с физиологическими и физическими процессами была главным предметом тщательного анализа во всех моих пяти книгах и многих статьях. Наконец, сам В.В. Васильев отмечает, что «трудная проблема сознания» до Чалмерса ясно ставилась Дж.Сёрлом, Г. Стросоном; он находит ее у У. Джемса и, не без оснований, даже у Р. Декарта (1, с.186 – 187 и др.). Так почему же он именуется Чалмерса ее «первооткрывателем», «изобретателем»? В чем тут его великая заслуга? Если отойти немного от расхожих клише и коммуникативно-конкурентных игр, характерных для представителей аналитической философии, то остается только развести руками.

Посмотрим, однако, как решается Чалмерсом «трудная проблема». Здесь В.В. Васильев гораздо более строг. Он подробно рассматривает и тщательно анализирует положения Чалмерса, начиная с его первых работ, показывает частые изменения в его взглядах, присущие им рассогласования и концептуальные противоречия.

В противовес Д. Деннету Чалмерс признает реальность «квалитативных» состояний и пытается уже в ранних работах решать вопрос об их связи с мозговыми процессами на основе информационного подхода, описывая ее как связь «паттерна и информации»: паттерны существуют в мозге в виде функциональных схем, а «квалиа не что иное как информация». Приведя эти слова Чалмерса (1, с. 155), В. В. Васильев дает сноску и в примечании пишет: «Сходную теорию

разрабатывает российский философ Д.И. Дубровский. См.: *Дубровский Д.И.* Сознание, мозг, искусственный интеллект. М., 2007. С. 114 – 163. В отличие от Чалмерса, однако, Дубровский утверждает, что квалиа, субъективные состояния обладают реальным каузальным воздействием на организм – и это воздействие является одним из примеров так называемой «психической причинности» (там же, с. 185). И далее В.В. Васильев высказывает критическое замечание по поводу «психической причинности». При этом он отрицает правомерность истолкования Чалмерсом квалиа в качестве информации, а мозгового паттерна как ее носителя (а это целиком относится и к моей концепции).

Поскольку эти вопросы имеют принципиальный характер, я посвящаю им специальный раздел статьи. А пока продолжим рассмотрение приведенных положений Чалмерса, их оценки В.В. Васильевым, а так же некоторых исторических сюжетов, имеющих к этому прямое отношение.

Действительно, я тоже разрабатываю «сходную теорию». Мысль о том, что явление субъективной реальности связано с определенной мозговой нейродинамической системой как информация со своим носителем, что оно (например, зрительное восприятие данного предмета) есть информация, воплощенная в мозговом паттерне, развивалась мной еще с первой половины 60-х годов², когда, извините, Чалмерса не было на свете. А в то время, когда ему исполнилось 5 лет, у меня в издательстве «Наука» вышла книга в 25 а.л., специально посвященная обоснованию «сходной теории» (10)³. В ней подробно анализируется категория информации, связь информации с физическими процессами, ее роль в функционировании самоорганизующихся систем, организма, мозга. В центре внимания находятся два главных вопроса «трудной проблемы»: если явлениям субъективной реальности нельзя приписывать физические свойства – массу, энергию, пространственные характеристики, – то, **как объяснить** 1) их **связь с мозговыми процессами** и 2) их **каузальное действие на телесные процессы**.

Разумеется, есть и другие «трудные» вопросы: почему в эволюции возникло качество субъективной реальности, почему информация в мозгу не просто репрезентируется, но и субъективно переживается, как совместить свободу воли с детерминизмом мозговых процессов и др.; но основными являются именно указанные два вопроса; получив на них ответ, мы можем решать и остальные. В моей книге дается развернутое обоснование теоретического решения этих вопросов (см. там же, с. 241 – 358).

В.В. Васильев упоминает эту книгу в своем списке литературы, но чисто декларативно, ссылаясь в примечании на другую книгу, вышедшую спустя 36 лет после первой. Однако вслед за первой, 30 лет тому назад вышла вторая моя книга (19), в которой первая часть «Критика физикалистского подхода к проблеме «сознание и мозг» (почти 100 страниц текста) была посвящена подробному критическому анализу таких направлений аналитической философии как «научный материализм» с его различными версиями «теории тождества» ментального и физического, «элиминативный материализм», «теоретический материализм», «функциональный материализм», «эммерджентистский материализм» и др. – концепциям Г. Фейгла, У. Плэйса, Дж. Смарта, Д. Армстронга, П. Фейерабенда, Р. Рорти, Х. Патнема, Дж. Марголиса, Т. Нагеля, Дж. Фодора, Дж. Кима, Д. Люиса и др. С тех пор, на мой взгляд, концептуальная панорама аналитической

² Эти положения были выдвинуты и развивались в ряде небольших статей и выступлений на научных конференциях (14), а затем в публикациях 1966 – 1969 гг. и в автореферате докторской диссертации в 1968 г. (15).

³ В аналитической философии, насколько мне известно, мысль о возможности интерпретации ментальных явлений в качестве информации, которая воплощена в мозговых процессах, представляющих собой «подобие знаковых систем», была впервые четко высказана в 1973 г. А. Данто (16), а затем в 1975 г. К. Хукером (17). Последний, правда, склонялся к онтологическому истолкованию информации в духе Платона. Работы этих авторов под критическим углом зрения рассматривались мной в статье, опубликованной вскоре в журнале «Вопросы философии» (18). В работах Чалмерса я не обнаружил ссылок на эти публикации его коллег, а они в таких случаях необходимы.

философии мало изменилась, несмотря на проработку значительного числа вопросов данной проблемы.

В этой книге подвергается критическому анализу редукционистская программа, задаваемая парадигмой физикализма и выясняются «Методологические тупики парадигмы физикализма» – так называется один из разделов книги (см. там же, с. 53 – 82). Во второй части книги существенно развивается моя концепция путем анализа понятия *кодовой зависимости*, способов образования и особенностей функциональной связи между информацией и ее носителем (важнейший пункт информационного подхода!), а так же рассматриваются теоретические и методологические вопросы расшифровки мозговых кодов явлений субъективной реальности. В ней есть специальный раздел: «Свобода воли и детерминированность мозговых процессов» (там же, с. 190 – 213), в котором детально обсуждается этот вопрос.

Я привел все эти подробности, поскольку В.В. Васильев является *историком философии*, и если он их не знал, то в дальнейшем они могут быть полезны для него в ходе изучения и описания истории разработки проблемы «сознание и мозг» – дело ведь не столько в моей концепции, сколько в тех обширных материалах (малоизвестных или забытых) из области аналитической философии, отечественной философии и различных научных дисциплин, которые содержатся в трех моих давних книгах (10 – здесь, например, библиография составляет около 1000 источников), (19), (11 – первое издание, 1983 г.); некоторые из этих материалов, думаю, сохраняют свое значение и сегодня.

В качестве еще одной новации Чалмерса В.В. Васильев отмечает выдвинутые якобы им положения о «структурной когеренции» и «организационной инвариантности» ментальных и функциональных состояний. Но ведь эти положения высказывались опять-таки задолго до Чалмерса, причем многими авторами и получали тщательную разработку. Принцип «структурной когеренции» разрабатывался представителями гештальт-психологии еще в 30-х годах прошлого века (В. Кёлер, К. Кофка и др.). Особенно интересно и продуктивно эта идея использовалась позднее для объяснения психо-физиологических отношений у Ж. Пиаже (его концепция в этом плане подробно рассматривалась мной – см.: 10, с. 267 – 271).

Опираясь на указанные положения, Чалмерс говорит о возможности функционального объяснения специфики ментального: если некоторая система обладает теми же функциональными свойствами, что и человеческий мозг (когда индивид переживает ментальные состояния), то ей также должны быть присущи ментальные состояния. Тут Чалмерс, по сути, воспроизводит хорошо известный принцип изофункционализма систем, обоснованный А. Тьюрингом (один и тот же комплекс функциональных отношений может быть воспроизведен на разных субстратах, т.е. системами, имеющими разные физические свойства). В целях теоретического осмысления проблемы «сознание и мозг» этот принцип получает более конкретное обоснование посредством *принципа инвариантности информации по отношению к физическим свойствам ее носителя*. Принимая эти принципы, можно утверждать, что наличие качества ментального (субъективной реальности) теоретически мыслимо у различных систем, если ими достигнута определенная функциональная организация (в других мирах или путем создания их человеком, например, в процессе конвергентного развития НБИК). Эти сюжеты многократно обсуждались в моих работах, начиная с 1971 г.⁴

Вопрос, однако, в том, как интерпретируются и развиваются приведенные абстрактные теоретические положения. Здесь, как показывает В.В. Васильев, у Чалмерса возникают многочис-

⁴ Принцип «структурной когеренции» по-разному интерпретируется в зависимости от тех концепций, в которых он используется. Во всех случаях, однако, имеется виду определенный тип *соответствия* между ментальным и мозговыми паттернами, включая отношения гомоморфизма и изоморфизма. Мною была предпринята попытка тщательного анализа этого вопроса и обоснования изоморфного соответствия между чувственным образом (квантифицированным зрительным восприятием) и его нейродинамическим эквивалентом (паттерном). Этому был посвящен специальный раздел книги и в нем ставилась задача показать, что определенное описание инвариантов зрительного восприятия может служить первичной моделью для исследования его нейродинамического эквивалента (10, с. 279 – 300).

ленные неопределенности, концептуальные нестыковки и противоречивые решения. Он интерпретирует различие ментального (информации) и физического в духе двуаспектной теории, прибегает к идее Б. Рассела (высказанной в книге «Анализ материи» (1927 г.) о том, что у материи есть не только внешние, но и внутренние свойства, причем последние могут иметь ментальный характер. «Эта идея – пишет В.В. Васильев, – именно то, что было нужно Чалмерсу. Теперь он, наконец, получил возможность решить «трудную проблему», дать ответ на вопрос о том, почему помимо физических процессов в мозге существует и связанный с ними внутренний опыт. Он существует потому, что без него не существовала бы и физическая реальность мозга, опирающаяся на квалиа как на свой фундамент. Двуаспектная теория Чалмерса получает окончательное завершение» (1, с. 171).

Но это «решение», конечно, является иллюзорным, что подчеркивает и сам В.В. Васильев. Он убедительно показывает, как Чалмерс дрейфует к панпсихизму, признавая «протоментальные», «протофеноменальные» свойства физического, как он временами склоняется то к эпифеноменализму (полагая, что это может быть «единственной приемлемой позицией»), то к «мистерианству Макгинна». Решительно отрицая материализм, Чалмерс колеблется в выборе своей позиции, размыкает альтернативы, «отказывается от радикальной критики интеракционизма», заявляет о своем «эпистемологическом релятивизме», который сродни постмодернистскому своеволию; вместе с тем он претендует на концептуальную оригинальность, называя свою позицию «натуралистическим дуализмом» (см: 1, глава 4, особенно с. 157, 161 – 162, 168, 172, 174 – 175, 181, 183 – 184). Как будто слово «натуралистический» может компенсировать теоретическую неопределенность. При условии же признания Чалмерсом «фундаментальности сознания», «ментального» в структуре мира наряду с «физическим», «натуралистический дуализм» трудно отграничить от хорошо известного нам дуализма картезианского типа⁵.

В результате анализа основной книги Чалмерса «Сознающий ум» и других его публикаций В.В. Васильев приходит к выводу, что Чалмерс крайне далек от решения «трудной проблемы», с чем надо полностью согласиться. Мы видели, что в своих построениях Чалмерс воспроизводит и аранжирует давно известные идеи, демонстрирует слишком много повторений пройденного; в его работах, на мой взгляд, мало действительно оригинальных ходов мысли и много неопределенностей и противоречий, часть которых обрисована В.В. Васильевым. Однако он не скупится на восхваления в адрес Чалмерса. По его словам, Чалмерс «очень глубокий и оригинальный мыслитель» (1, с. 152). Он относит книгу Чалмерса «Сознающий ум» «к числу самых значительных философских работ, созданных в последние десятилетия» (там же, с. 176).

Но в чем именно «значительность» В.В. Васильев не определяет, более того, говорит, что эта книга является «лабиринтом для любого интерпретатора» (там же, с. 179). Какие именно **новые идеи и положения** обоснованы Чалмерсом и на самом деле продвигают нас к решению проблемы, – это остается неизвестным. Вот интересный пассаж из книги В.В. Васильева: Чалмерсу «тесно в рамках единственной концепции: мыслей в его книге так много, что их хватает сразу на несколько теорий, и автор колеблется между ними» (там же, с. 176 – 177). Согласитесь, что такая неопределенность вряд ли делает честь теоретику и слишком уж контрастирует с аттестацией «очень глубокого и оригинального мыслителя». В.В. Васильев, на мой взгляд, большой либерал в отношении того, чему он придает статус *теории* (у меня еще будет возможность привести другие примеры).

2. Дж. Сёрл и Д. Денет как «предтечи» Д. Чалмерса. Что такое «физическое»?

⁵ Можно было бы высказать еще ряд других серьезных критических замечаний, по сравнению с теми, которые сделаны В.В. Васильевым, но это потребовало бы слишком много места. Те, кому это интересно, могут познакомиться с моей статьей, специально посвященной анализу концепции Чалмерса (9). Она представляла ответы на вопросы Чалмерса, поставленные им в краткой переписке между нами. В частности, я пытаюсь дать обоснованные ответы на следующие «трудные» вопросы: 1) почему в ходе эволюции возникло качество субъективной реальности и 2) почему некоторые информационные процессы в мозгу, по выражению Чалмерса, «не идут в темноте». Я был бы искренне благодарен моим оппонентам по этим вопросам.

Вопрос о содержании понятия «физического» является ключевым для проверки концепций, претендующих на объяснение связи «ментального» и «физического» (а в ряде отношений так же «ментального» и «функционального», «физического» и «функционального»). Разумеется, это относится и к содержанию понятия «ментального».

В аналитической философии по-прежнему преобладают редукционистские концепции и установки (если раньше доминировали физикалисты, то теперь, пожалуй, пальму первенства надо отдать функционалистам). Некоторые же ее представители решительно выступают против редукции «ментального» к «физическому» или к «функциональному» (например, Т. Нагель⁶, Дж. Сёрл), те же из них, кто претендует в какой-то мере на решение «трудной проблемы», предъявляют нам такой набор суждений, который трудно назвать концепцией в силу высокой степени неопределенности и несогласованности их объяснительных построений.

К числу последних могут быть отнесены взгляды Дж. Сёрла. Правда, в отличие от Д. Деннета, который является радикальным функционалистом-редукционистом и, войдя в раж, утверждает даже, что «все мы – зомби», Сёрл «реабилитирует сознание» (якобы «Открывая сознание заново» – так называется его известная книга). Он резко выступает против редукционистов, против того же Деннета, громит функционализм и даже всю когнитивную науку за ее приверженность к функционалистским моделям, использует для обозначения специфики сознания, его нередуцируемости, термин «субъективная реальность», призывает в союзники здравый смысл.

В. В. Васильев выбирает этих двух антагонистов в роли предтеч Чалмерса, который «попытался найти средний путь между установками Деннета и Сёрла, объединив их позитивные интуиции» (1, с.152). Имеется в виду прежде всего идея функционализма (у Деннета) и убеждение в специфике, нередуцируемости качества субъективной реальности, «квалиа» (у Сёрла).

Такое «объединение» весьма близко и мне, начиная еще с 60-х годов; думаю, оно близка и многим другим. Вопрос в том, как оно производится. Ведь сама по себе общая предпосылка далеко не гарантирует концептуального объяснения. Что из этого вышло у Чалмерса, – мы видели.

В.В. Васильев проводит основательный критический анализ взглядов Сёрла и Деннета, отводя каждому отдельную главу (без малого 100 страниц книги); он тщательно прослеживает их родословную. Эти его исторические экскурсы представляет интерес. Я разделяю его главные критические оценки и общий вывод, что Сёрл и Деннет, как и Чалмерс, весьма далеки от решения «трудной проблемы»⁷.

Вопрос о ясном определении «физического» остро возникает, когда речь заходит о «ментальной причинности». У Деннета с этим нет проблем, поскольку, как он считает, «ментального» в его онтологической специфике вообще не существует. Что касается Сёрла, то он пытается объяснять «ментальную причинность, опираясь на концепцию эмерджентности. Однако это объяснение неудовлетворительно, так как само качество субъективной реальности у него тут сразу «улетучивается», превращается в биологическое или физическое свойство: «Сознание есть ментальное и потому *физическое* свойство мозга в том смысле, в каком жидкое состояние есть

6. Работы Т. Нагеля, на мой взгляд, вносят важный вклад в разработку проблемы «сознание и мозг» в том отношении, что им четко определяется стратегия ее теоретического решения путем создания «концептуального моста» между понятиями, описывающими явления сознания и понятиями, описывающими мозговые процессы. Разрыв между ними создает «провал в объяснении», этот провал может и должен быть преодолен на основе создания концептуальной структуры, в которой теоретически корректно совмещаются, объединяются оба эти типа понятий (20). Подробное рассмотрение взглядов Т. Нагеля, критические соображения по ряду вопросов и предложения, касающиеся способа преодоления «провала в объяснении» содержатся в моей статье (21). Уделяя столь много места Сёрлу и Деннету, В.В. Васильев ограничился тремя-четырьмя фразами о Нагеле, не затрагивающими его позиции по главному пункту теоретического решения «трудной проблемы». Кстати, Чалмерс в своей статье 1995 года воспроизводит ход мысли Т. Нагеля, дословно повторяет его слова о необходимости «концептуального моста» (22, р. 204).

⁷ Дополнительные критические аргументы содержатся в моих статьях, специально посвященных анализу концепций Дж. Сёрла (7) и Д. Деннета (8).

свойство системы молекул» (23, с. 35). Оно «есть каузально эмерджентное свойство систем» (там же, с. 115), представляет собой «нередуцируемо субъективный физический компонент» (там же, 125, курсив всюду мой – Д.Д.). Мы видим, что Сёрл, признавая качество субъективной реальности и его нередуцируемость, то и дело проявляет непоследовательность, сводит его к *физическому* свойству. О каком же *концептуальном* объяснении здесь может идти речь? На эту особенность взглядов Сёрла В. В. Васильев, к сожалению, не обращает внимания (что, как станет ясно далее, не случайно, ибо и для него такая непоследовательность весьма характерна).

Понятие «физическое» явно или неявно служит своего рода эпицентром теоретических построений в аналитической философии, касающихся проблемы сознания. Оно служит базисом для объяснения «ментального» не только для физикалистов, но выступает в такой же роли (часто неявно) и у функционалистов. Казалось бы, выполняя столь важную объяснительную роль, оно должно быть у них предметом тщательного теоретического анализа.

Как ни странно, однако, такого рода анализ (основательный и систематичный) в их публикациях трудно обнаружить. Его нет, конечно, ни у Сёрла, ни у Деннета, ни у Чалмерса. Его нет и у В.В. Васильева, который специально выделяет основные отношения «физического» и «ментального» (1, с. 40), более того, даже говорит о важности «прояснения» этих понятий (там же, с.43).

Обычно в текстах всех этих авторов множество раз используется термин «физическое», как нечто само собой разумеющееся, и производные от него термины «физическая реальность», «физическое событие», «каузальная замкнутость физического» и др. Между тем уже элементарный анализ показывает неоднозначность использования этих терминов, что сильно сказывается на качестве теоретических построений, связанных с проблемой «сознание и мозг». Это отмечали еще Р. Брандт и Дж. Ким на первом этапе ее разработки в аналитической философии (24, р. 218).

Правда, уже в 1958 году Г. Фейгл в своей знаменитой статье «Ментальное и физическое» попытался дать общее определение «физического», выделяя два его значения: в широком смысле – «физическое1», и в узком смысле – «физическое2». Первое определяется им как «множество объектов, которые могут быть описаны (и возможно объяснены и предсказаны) в понятиях языка с интересубъективным наблюдательным базисом» (25, р. 421); такой язык всегда характеризует «пространственно-временно-каузальную структуру» (там же). В узком смысле, «физическое2», означает «неорганические процессы» и выражается «тем типом понятий и законов, которые достаточны в принципе для объяснения и предсказания неорганических процессов» (там же, р. 397).

Фейгл считал, что когда речь идет о тождестве «ментального» и «физического», то последнее должно браться в смысле «физического2». Это заключение вызвало довольно широкую критику среди представителей «научного материализма». Некоторые из них склонялись к точке зрения, согласно которой «физическое» определяется содержанием физики как науки, но тогда «физическое1» охватывает и химические, биологические, социальные объекты. С другой стороны, использование «физического2» тоже не вполне адекватно, так как физические понятия и методы имеют пусть не решающее, но все же существенное значение в исследовании биологических процессов и того, что происходит в нервной системе, но они не отображают их специфику.

Однако нередко «физическое» трактовалось в слишком широком смысле – как всякая объективная реальность, «материя» вообще, и приобретало тем самым *метафизическое* звучание.

Такое чрезмерно широкое определение категории физического, по существу, порывает с тем значением «физического», которое базируется на реальном содержании физической науки и понимании перспектив ее развития. Оно представляет собой абсолютизацию «физического» либо в смысле постулирования некой единой и всеобъемлющей «физической субстанции», либо (при эпистемологическом акценте) в смысле неизбежного поглощения физикой всех возможных научных дисциплин.

Объективная реальность далеко не исчерпывается физической реальностью. Весьма наивно изображать объективную реальность в виде некой одномерной структуры, воплощающей в себе только физические компоненты, их отношения и взаимосвязи. Объективная реальность многомерна; и то, что именуется «физическим», есть один из ее аспектов. Категория физического, бу-

дучи весьма широким понятием, должна рассматриваться лишь в неотрывной связи с реальным физическим знанием. Эта категория выражает в обобщенном виде специфику методов, результатов, гипотез и проблем физического исследования.

Категория физического остается «открытой» (как, впрочем, и любая иная категория науки), знаменуя возможность и необходимость дальнейшего развития физического знания, в том числе *существенных изменений в самом его теоретическом базисе*. Однако она не настолько «открыта», чтобы допускать возможность охвата ею в будущем *всех* объектов действительности и *всех* принципов и методов научного объяснения.

Такая унификация всего научного знания на базе единственной фундаментальной науки – физики – входила в проекты логического позитивизма, как известно, потерпевших в этом отношении полный крах. Я должен попросить прощения у читателей: приведенные выше три абзаца дословно переписаны из моей книги тридцатилетней давности (19, с. 64 – 65). Они, конечно, несут некоторый налет интеллектуальной атмосферы того давнего времени, но их суть я готов отстаивать и сегодня. В те годы проводилось основательное обсуждение проблемы физической реальности, ее онтологических и эпистемологических аспектов (работы Э. М. Чудинова, В.С. Степина, Л.Г. Антипенко, М. Э. Омеляновского, П.С. Дышлевого, А.М. Мостепаненко и др.). Его результаты (рассмотренные там же: с. 66 – 74) использовались мной тогда в целях критики «научного материализма» с его «теорией тождества ментального и физического», но, думаю, материалы этого обсуждения сохраняют свое значение и сегодня для анализа и критического осмысления «физического», взятого в виде того клише, которое кочует из текста в текст у представителей аналитической философии, да и у некоторых наших авторов. Я остановился на этих вопросах потому, что они, к сожалению, не находят места при освещении у нас историко-философских аспектов разработки проблемы «сознание и мозг».

Ограниченность парадигмы физикализма, безраздельно господствовавшей в науке примерно до середины прошлого века, стала ясной в результате формирования *парадигмы функционализма*, что было тесно связано с развитием кибернетики, биологических дисциплин, математики, структурных и системных подходов, с исследованием информационных процессов и самоорганизующихся систем.

Парадигма функционализма выражается в том, что *описание функциональных отношений логически независимо от описания физических свойств*, а это исключает редукцию первых ко вторым. Тем самым парадигма функционализма создает новый фундаментальный теоретический базис для описания, объяснения и во многих случаях для предсказания функциональных процессов, поведения сложных систем (биологических, технических, социальных), для определения закономерностей и правил преобразования в них информации, эффективной регуляции и управления (к этому базису относятся уже упоминавшиеся принципы изофункционализма систем и инвариантности информации по отношению к физическим свойствам ее носителя).

3. Суть информационного подхода к проблеме «сознание и мозг»

Парадигма функционализма служит теоретическим базисом для обоснования информационной причинности, выяснения ее специфики по сравнению с физической причинностью, а тем самым для решения сложных вопросов, связанных с психической причинностью, поскольку она является видом информационной причинности.

Можно было бы начать с критических соображений В.В. Васильева по поводу информационной причинности, которая, по его мнению, несостоятельна, и в этом заключается, как он считает, главная неувязка, «главная проблема теории Дубровского» (1, с.185). Автор, однако, ни слова не говорит о том, в чем же именно состоит эта «теория Дубровского». Поэтому, чтобы аргументировано ответить В.В. Васильеву и тем, кто отрицает информационную причинность, приходится напомнить ее суть.

Она сравнительно четко и просто организована и потому *удобна для критики*. В ней принимаются две исходные посылки: 1) **информация необходимо воплощена в своем материальном, физическом носителе** (т. е. не существует вне и помимо него) и 2) **информация инвариантна по отношению к физическим свойствам своего носителя** (одна и та же информа-

ция может быть воплощена и передана разными по своим физическим свойствам носителями, т.е. кодироваться по-разному; например, информация о том, что завтра ожидается гроза, может быть передана на разных языках, устно, письменно, с помощью азбуки Морзе и т.д.; во всех этих случаях ее носитель может быть разным по величине массы, энергии, пространственно-временным характеристикам). Если эти посылки принимаются, то можно идти дальше, если нет, то каковы контраргументы.

Кроме этих двух исходных посылок требуется принятие одного соглашения: 3) **явление субъективной реальности** (например, мой чувственный образ в виде зрительного восприятия предмета А, переживаемый в данном интервале) **может интерпретироваться как информация** (о данном предмете). При этом понятие информации берется в общепринятом в науке смысле (предложенном Н. Винером) – как «содержание сообщения», «содержание сигнала», не вдаваясь в его различные философские истолкования, которые в данном случае не обязательны, но могут быть в дальнейшем развернуты⁸. Если это соглашение не принимается, то каковы контраргументы? Если принимается, тогда можно сделать следующий шаг.

Поскольку приведенное явление субъективной реальности есть информация об А (обозначим его **А**), то оно имеет свой определенный носитель (обозначим его **Х**), который согласно данным нейронауки представляет собой сложную мозговую нейродинамическую систему, т. е. *явление субъективной реальности необходимо связано с соответствующим мозговым процессом как информация со своим носителем. Х* есть функциональная, информационная система. Хотя она необходимо включает физические компоненты, ее в точном смысле нельзя назвать физической системой, так как ее функциональная специфика не может быть объяснена на основе физических свойств и закономерностей. Это показывает анализ характера необходимой связи **А** и **Х**.

Кратко: связь между **А** и **Х** является *функциональной*, представляет собой *кодovou зависимость*, сложившуюся исторически, в филогенезе или онтогенезе; **А** и **Х** – явления *одновременные и однопричинные*; они находятся в отношении *взаимодозначного соответствия*; **Х** есть кодовое воплощение **А** или, короче, код **А**. Именно кодовая структура типа **Х** определяет наличие качества субъективной реальности, т.е. сознаваемого переживания мной данного чувственного образа (об этом подробнее чуть ниже). Основательное исследование связи **А** – **Х**, структурной и функциональной организации систем типа **Х**, означает расшифровку мозгового кода данного психического явления.

В этой связи выясняются теоретические и методологические вопросы задачи расшифровки кода, типы кодов, способы их преобразования, специфические черты тех мозговых кодов, которые являются носителями явлений субъективной реальности, т.е. информации, данной личности в «чистом» виде (поскольку ее мозговой носитель целиком закрыт для личности, никак не отображается ею); именно такая данность, представленность нам информации в «чистом» виде и выражает качество субъективной реальности. На этой основе определяется экспериментальная программа исследований в области расшифровки мозговых кодов психических явлений. В ее реализации за последние годы уже достигнуты значительные успехи (см.: 27). Это открывает возможности для экспериментальной программы исследования коммуникативного кольцевого контура, несущего в себе цепь кодовых преобразований – от мозгового кода типа **Х** и затем кодовых структур речепроизводства, мимики, выражения глаз до восприятия и декодирования этих сигналов в мозгу другого индивида, вплоть до преобразования их опять же в кодовую структуру типа **Х**, несущую ему информацию в «чистом» виде, т.е. в форме явления его субъективной реальности (для краткости я выделил лишь некоторые звенья коммуникативного контура; в действительности он далек от линейного изображения и включает многие другие звенья и преобразования).

Следующие вопросы: почему в ходе эволюции возникает качество субъективной реальности (зачем оно?) и почему некоторые информационные процессы, по выражению Чалмерса, «не

⁸ См. недавнее обсуждение этой темы в журнале «Вопросы философии», на котором был представлен весь спектр трактовок онтологического статуса категории информации (26).

идут в темноте»? Почему в них информация не только «презентируется», но и «субъективно переживается»? Как возникает и осуществляется такое переживание в результате определенных кодовых преобразований в мозговой нейродинамике? На эти вопросы мною с позиций информационного подхода даны подробные ответы, которые здесь нет возможности воспроизводить. Они изложены в ряде моих работ. В наиболее компактном виде это сделано в упоминавшейся уже статье, которая так и называется: «Зачем субъективная реальность или «почему информационные процессы не идут в темноте»? (Ответ Д. Чалмерсу)». Эту статью я и рекомендую моим оппонентам для критического анализа (12, с. 139 – 164).

Остановлюсь лишь кратко на нескольких важных моментах. Ответы на указанные вопросы включают критику эпифеноменализма и ряда распространенных суждений в аналитической философии, касающихся аргумента мыслимости «зомби». Последний основан на утверждении, что абсолютно все функции человека (поведенческие, речевые, когнитивные, творческие) могут осуществляться «в темноте», что качество субъективной реальности для них не обязательно, избыточно. В этом случае из класса функций неправомерно исключаются ментальные функции; не говоря уже о том, что «функциональное» нередко отождествляется с «физическим». К тому же мысленные эксперименты с «зомби» проводятся на отдельных примерах (в виде мысленных экспериментов). Общие выводы из них теоретически не корректны в силу неопределенности того, что подразумевается под «всеми функциями» и под «всеми ментальными явлениями». Надо признать, однако, что широкое многолетнее обсуждение темы «зомби» послужило постановке и осмыслению ряда актуальных вопросов проблемы сознания (см.: 5).

Качество субъективной реальности выступает как особый способ *представленности* информации индивиду. Он включает помимо отображения объекта так же и отображение *принадлежности* этой информации данному индивиду (данному Я). У человека качество субъективной реальности связано с двумя основными свойствами: 1) **данностью информации в «чистом» виде** (поскольку мы никак не отображаем ее носитель, не чувствуем, что происходит в нашем мозгу, когда переживаем образ или думаем о чем-либо) и 2) **способностью оперировать этой информацией по своей воле** в достаточно широком диапазоне.

Для того чтобы информация обрела форму субъективной реальности, т.е. была представлена мне в «чистом» виде, необходимо, по крайней мере, *двуступенчатое, кодовое преобразование*: первое из них представляет информацию, которая пребывает в «темноте», второе преобразование «открывает» и тем самым актуализует ее в «чистом» виде для нашего Я, делает доступной для произвольного оперирования и использования в целях управления. Тем самым производится *информация об информации*, что и обуславливает ее субъективную переживаемость для индивида; создается *новый уровень интеграции и переработки информации и новый способ управления целостным поведением организма*. Многоступенчатость операций такого рода позволяет выходить за рамки текущей ситуации, обобщать опыт, развивать способность «отсроченного действия», «пробного действия без его реализации», прогнозирования, проектирования, построения моделей желательного или нежелательного будущего, т.е. способность *действий в виртуальном плане*, Субъективная реальность и есть по существу первичная форма **виртуальной реальности**, возникающая уже у животных. Она приобретает чрезвычайное развитие и многообразные формы и функции благодаря кодовой системе языка, различным видам социальной символики, средствам массовых коммуникаций, характерным для информационного общества.

Но что означает моя способность произвольного оперирования информацией в «чистом» виде, т.е. собственными мыслями, чувственными образами? **Она означает мою способность произвольно оперировать некоторым классом собственных мозговых нейродинамических систем** (в силу того, что А и Х являются одновременными и однопричинными, взаимно однозначно соответствуют друг другу). Признание этого означает, что я *могу по своей воле управлять некоторым классом кодовых преобразований на уровне собственной мозговой Эго-*

системы (структурно-функциональной подсистемы головного мозга, представляющей мое Я)⁹. Но **способность управлять собственной мозговой нейродинамикой означает, что Эго-система головного мозга является самоорганизующейся системой** и ее функциональные возможности это – функциональные возможности моего Я. Следовательно, **акт свободы воли** (как в плане производимого выбора, так и в плане генерации внутреннего усилия для достижения цели) **есть акт самодетерминации** (эти вопросы в разных планах обсуждались во всех моих книгах и многих статьях)¹⁰.

Обоснование реальности свободы воли как актов самодетерминации мозговой Эго-системы позволяет теоретически корректно «соединить» наше Я с нашим мозгом, глубже осмыслить проблемы психической саморегуляции и «ментального» управления собой (в том числе этической саморегуляции и самоуправления), феномены «напряжения мысли», «напряжения воли», «дефицита воли», «сильной воли», так называемой «психической энергии», ибо самодетерминация мозговой Эго-системы, следовательно, нашего Я, включает управление биохимическими процессами, ответственными за производство энергии, необходимой для выполнения задуманного действия, для достижения поставленной цели.

Тем самым удостоверяются наличие неизведанных ресурсов самополагания и самопреобразования, наша (пока еще слабо освоенная) способность расширять контуры психической регуляции (включая создание доступов к механизмам интенсификации творческой деятельности, укрепления воли, действенности высоких жизненных смыслов и ценностей, а, с другой стороны, к использованию ресурсов жизнестойкости нашего организма, в частности, доступа к вегетативным функциям, как это умеют делать йоги, когда они, к примеру, произвольно изменяют свой сердечный ритм). Другими словами, обосновывается наша **способность расширять диапазон возможностей управления собственной мозговой нейродинамикой** (со всеми вытекающими из этого желательными для нас следствиями, в том числе экзистенциального характера). Все это вносит существенные коррективы в понимание «природы человека», в проблематику его обучения, воспитания, самопреобразования, позволяет наметить новые направления исследований в этой области и теоретического осмысления «перспектив человека».

Информационный подход позволяет, на мой взгляд, преодолеть «провал в объяснении», как его описывал Томас Нагель. Этот «провал» касается, в первую очередь, **научного** теоретического объяснения. Ведь проблема «сознание и мозг» является прежде всего *междисциплинарной* (я сказал бы даже, *трансдисциплинарной*) **научной** проблемой (в силу чего в ней сильно выражен метанаучный теоретический каркас), она, безусловно, содержит весьма существенные философские импликации. Но она не может быть названа чисто философской, по преимуществу философской, как склонен думать В.В. Васильев.

Эти положения крайне важно подчеркнуть, так как у большинства представителей аналитической философии (и у В.В. Васильева тоже) в проблеме «сознание и мозг» четко не различается ее научное и философское содержание. Над ней довлеет классическая дихотомия «духовного» и «телесного», возведенная в метафизический ранг. И поскольку многие «танцуют» от этого, то они пытаются решать «трудную проблему» чисто философским способом, так сказать, «свер-

⁹ В последние годы нейронаука достигла значительных результатов в исследовании структурно-функциональных особенностей Эго-системы головного мозга, которая образует высший, личностный уровень мозговой *самоорганизации и управления*, включающий сознательно-бессознательный контур психических процессов (работы Д. Эделмена, А. Дамасио, Б. Либета и др.). Анализируя и обобщая многочисленные исследования в этом плане, рассматривая два уровня Эго-системы головного мозга (генетический и биографический), отечественный нейрофизиолог Д.П. Матюшкин предложил концепцию Эго-системы головного мозга, заслуживающую внимания не только психологов, но и философов (28).

¹⁰ Замечу, что отрицание оппонентом способности управлять по своей воле своими мыслями сразу перечеркивает его право на самостоятельное рассуждение, тем более на теоретические решения, включая и его отрицание данного тезиса.

ху» и «сразу». Такой путь, как свидетельствует опыт последнего столетия, оказывается, мягко выражаясь, мало продуктивным. Основное содержание знаний о мозге – результат научных исследований, философия имеет к ним косвенное отношение. Описание же и трактовка феноменов сознания весьма существенно определяются философскими установками и понятиями. Однако и феномены сознания могут с достаточным основанием описываться обыденными, естественными и метанаучными средствами (во всяком случае в тех отношениях, когда речь идет об их связи с мозгом).

Должен еще раз повторить, что для меня является общим местом то, что философские принципы и установки неустранимы, играют незаменимую роль в разработке проблемы «сознание и мозг», особенно это касается ее эпистемологических, онтологических и философско-методологических аспектов. Но для успешной ее разработки на нынешнем этапе чрезвычайно важно различать и соотносить научный, метанаучный и философский уровни ее содержания, а тем самым соответствующие им средства исследования.

Надо четко различать классическую психофизическую проблему – философскую по своей сути – и современную психофизиологическую проблему, сердцевина которой состоит в вопросе об отношении качества субъективной реальности к мозговым процессам. Последняя является научной проблемой, допускающей теоретическое решение, которое опирается на мощный эмпирический базис и способно, в свою очередь, инициировать новые направления, новые методы, новые результаты в исследованиях сознания.

Поэтому «провал в объяснении» должен быть преодолен прежде всего научными теоретическими средствами (специально научными и метанаучными). К этому и призван информационный подход, способный создать «концептуальный мост» между двумя системами понятий и описаний, которые не имеют между собой прямых логических связей (имеется в виду «язык» описания явлений сознания, в основе которого лежат категории смысла, ценности, интенциональности, цели, воли, и язык описания мозговых процессов, в основе которого лежат категории массы, энергии, пространственно-временных отношений и используются физиологические понятия).

Категория информации, будучи научной и метанаучной по своему содержанию, допускает не только формальное, но также семантическое и прагматическое описание (т.е. ценностно-смысловое описание и описание в качестве фактора управления, активности), в то же время информация необходимо воплощена в своем материальном носителе, в определенном коде и, следовательно, требует его описания (как обладающего соответствующими субстратными, физическими, химическими, пространственными, временными свойствами). В силу этого явления сознания и мозговые процессы получают описание и объяснение в рамках информационного процесса и тем самым в единой и уже довольно развитой концептуальной структуре, выполняющей роль искомого «моста». Разумеется, информационный подход и сформированная на его основе концепция, изложенная во многих моих публикациях, требуют пристального критического анализа, и я жду его от моих оппонентов.

4. Психическая причинность как вид информационной причинности и «каузальная замкнутость физического»

Выше уже подчеркивалось, что объяснение психической причинности составляет один из главных вопросов проблемы «сознание и мозг». В аналитической философии употребляется термин «метальная причинность», который в наших целях допустимо использовать наряду с термином «психическая причинность», но с условием, что последний может обозначать и различные неосознаваемые психические причины, т.е. действующие «в темноте». Поэтому будем использовать термин «ментальная причина» лишь для тех случаев, когда в роли причины выступает явление субъективной реальности (наиболее трудный для объяснения случай информационной причинности).

Вопрос: имеются ли достаточные основания для выделения информационной причинности как особого класса причинности по сравнению с физической причинностью? Придется кое-что повторить.

Отличие информационной причины от физической причины определяется принципом инвариантности информации по отношению к физическим свойствам ее носителя. Здесь причинный эффект вызывается именно информацией на основе сложившейся *кодовой зависимости*, а не самими по себе физическими свойствами носителя этой информации, которые могут быть разными (что наглядно выступает в языковой коммуникации).

Важно подчеркнуть, что понятие информационной причинности не противоречит понятию физической причинности, которое сохраняет целиком свое значение, если не претендует на роль универсального средства объяснения всех явлений действительности, всех без исключения причин, скажем, на объяснение причин последнего мирового экономического кризиса или, чего проще, действий моего приятеля, вызванных моей просьбой. В составе информационного причинного фактора, разумеется, всегда есть физические компоненты и для него остаются в силе физические закономерности, но они недостаточны, неадекватны для объяснения вызываемого им следствия. Понятие информационной причинности существенно расширяет теоретические средства объяснения и становится необходимым в тех случаях, когда собственно физическое объяснение оказывается невозможным или неадекватным. Так обстоит дело, когда предметом исследования служат самоорганизующиеся системы (биологические, социальные, а в ряде отношений и технические).

Сосредоточимся теперь на понятии «ментальной причины». Прежде всего надо уточнить понятие «ментального» (аналогично тому, как надо было выше уточнить понятие «физического»). В аналитической философии понятия «ментального», «ментального свойства» носят зачастую слишком абстрактный характер. В них фиксируется лишь определенная противоположность «физическому», отличие «ментального языка» от «физического», специфика описания «ментальных свойств» (отсюда основные камни преткновения: «дуализм свойств», «аномализм ментального», «множественная реализуемость», «экстернализм ментальных свойств» и др.). Тем не менее, несмотря на абстрактность «ментального», всё же допускаются его эмпирические иллюстрации путем использования психологических и феноменологических данных.

Однако при этом зачастую игнорируется, не выделяется необходимое свойство ментального – *его принадлежность тому или иному Я*. Не существует такого ментального явления, которое не было бы в той или иной степени компонентом целостной субъективной реальности данного индивида, его Я. Всякое ментальное явление несет на себе печать *своего Я* – и в отношении уникальных свойств этого Я, и в отношении его *инвариантных свойств*. Феноменологический анализ этих инвариантных свойств показывает, что к ним должны быть отнесены не только смысловые и ценностные регистры, но и фундаментальное *свойство активности Я* (оно выражается такими понятиями, как интенциональность, целеполагание, желание, убеждение, стремление, вера, воля).

Активность Я интегрально выражается в его постоянной способности к *самоорганизации*, к поддержанию своей идентичности, реализации веровательных установок и целевых векторов. Свойство активности в той или иной степени присуще всякому выделенному ментальному явлению, так как за ним всегда стоит его Я. А постольку свойство *активности* (наряду со свойством *принадлежности*) должно быть включено в содержание понятия ментального. Это особенно важно, когда рассматривается вопрос о ментальной причинности.

В аналитической философии при обсуждении вопроса о ментальной причинности оперирование абстрактным понятием «ментального» (лишенным, как правило, этих свойств) и его соотнесение со столь же абстрактным понятием «физического» порождает неразрешимые парадоксы.

Это хорошо показано А.З. Черняком в его содержательной статье, посвященной вопросу о «каузальной эффективности ментального» (29), пожалуй, единственной в нашей философской литературе публикации, в которой на высоком профессиональном уровне специально анализируется эта острая тема. А.З. Черняк рассматривает два вопроса ментальной каузальности – ее *релевантность* («что делает нечто ментальное участником причинно-следственных отношений?») и ее *эффективность* (как нечто ментальное «может иметь каузальное влияние в мире?»). (Там же, с.192). Он показывает, что объяснение ментальной каузальности требует обос-

нованного ответа на оба вопроса. Но ни в одной из предложенных редукционистских концепций это требование не удовлетворяется. Все способы отождествления ментального с физическим чреваты логическими противоречиями или неопределенностями. К тому же они бросают вызов убеждениям здравого смысла. «Если принять, что ментальные свойства не эффективны, если вся без остатка каузальная работа выполняется физическими характеристиками, то отсюда следует эпифеноменализм ментального» (там же, с. 193).

А.З. Черняк критически рассматривает и функционалистский вариант редукционизма, но вместе с тем отмечает сильные стороны функционального подхода: его совместимость с «множественной реализуемостью», объяснение каузальной релевантности ментального, поскольку «функции имеют собственные каузальные влияния в мире, несводимые к каузальным влияниям их физических реализаторов» (там же, с.196). В тоже время А.З. Черняк видит слабость функционализма в том, что он «скорее всего» не может описывать «чувственные качества» и «вероятно, не вся каузальность, связанная с ментальными свойствами, может быть объяснена функционалистски, а именно их репрезентативность в отношении реальности» (там же, с. 197), т.е. как ментальные свойства могут «представлять нечто, чем они сами (и соответствующие им функциональные состояния) не являются» (там же).

Эти соображения заслуживают внимания. Но важно подчеркнуть, что функциональное объяснение не обязательно должно быть редукционистским, оно может исключать редукционистскую стратегию и методологию. В данном случае ментальная причинность может ограничиваться биологическими и биосоциальными самоорганизующимися системами, рассматриваться как частный случай, разновидность информационной причинности в указанных системах. Эта причинность, как уже отмечалось, определяется сложившейся *кодовой зависимостью*, которая носит *исторический характер*. А постольку образование данной кодовой зависимости, как нового функционального компонента самоорганизующейся системы, является *случайным* (определяется для данных условий лишь с той или иной степенью вероятности, иногда чрезвычайно малой).

Таковыми историческими, случайными новообразованиями (напоминающими творческий акт) являются даже фундаментальные кодовые зависимости, определяющие биологическую и социальную самоорганизацию. Это – кодовая структура языка (возникновение множества различных языков), а также фундаментальная для всей земной жизни кодовая структура ДНК.

Один из первооткрывателей генетического кода Фрэнсис Крик специально подчеркивал возможность возникновения иных ее вариантов и то обстоятельство, что «определение кода можно рассматривать как абстрактную задачу вне существующих биохимических деталей» (30, с.101). Сложившаяся структура генетического кода «по большей части явилась результатом исторической случайности в далеком прошлом» (там же, с.98). Эта структура зависит от того, какая именно аминокислота и какой именно адаптор соответствуют друг другу. «Возможно, существующий вариант этого взаимного соответствия определился на очень раннем этапе эволюции и, вероятно, выбор в его пользу был случайностью» (там же, с.104; см. так же с. 109).

Если бы выбор оказался другим, универсальный генетический код земной жизни был бы другим, а вместе с ним стала бы иной и вся земная жизнь. Соответственно, имели бы место отличные от нынешних информационные репрезентации (по крайней мере, уж точно, те из них, в которых организму даны «непосредственные» отображения внешних явлений). Приведенные высказывания Ф. Крика прекрасно подтверждают специфику кодовой зависимости и информационной причинности, отличие последней от физической причинности. Понятно, что жизнь на Земле могла возникнуть и развиваться лишь при определенных физических условиях, столь же несомненно, что в ходе эволюции отбирались наиболее экономичные и адекватные коды по своим физическим показателям (величине массы, энергии, пространственно-временным параметрам). Но биологическая самоорганизация и составляющие ее информационные процессы могут быть объяснены лишь на основе принципов функционализма.

Между информацией, воплощенной в определенной кодовой структуре, и тем, что она репрезентирует, есть строгое соответствие, но совершенно не обязательно некое подобие; раз возникнув, это соответствие остается в силе, пока оно отвечает потребностям самоорганизующейся

системы, пока адекватно представляет ей «значение» для нее репрезентируемого объекта. Это характерно для квалиа (переживания «красного» или «боли» по отношению к тому, что их обычно вызывает, что является их причиной). Но именно информация, т.е. ощущение красного или чувство боли, в свою очередь, выступают причинами определенных действий человека.

Приведу еще два аргумента в пользу обоснования специфики ментальной причинности по сравнению с физической причинностью.

1) Когда речь идет о ментальной причинности, то обычно не упоминают почему-то следующее важное обстоятельство: ментальная причинность означает не только воздействие ментального на физическое, но и *воздействие ментального на ментальное*. Когда, например, одна мысль (**Б**) вызывает другую (**В**), то в ряде случаев можно довольно четко описать и представить отношение **Б** к **В** как причину и следствие. Естественно, что **Б** в качестве определенной информации имеет своим носителем определенную нейродинамическую систему **Y**, а **В** – другую нейродинамическую систему **Z**. Переход **А** в **Б** есть кодовое преобразование, т.е. переход **Y** в **Z**. *Ничего другого ментальная причинность не может означать*. Это преобразование информации, данной мне в «чистом виде», носители которой мной не отображаются; последние, однако, не могут быть названы в точном смысле «физическими», так как представляют собой биологические, нейродинамические функциональные системы.

То же самое, в принципе, имеет место, когда ментальная причина вызывает телесное следствие (скажем, движение руки). В этом случае она инициирует и запускает двигательную программу, моторный информационный паттерн (процесс хорошо изученный в современной нейронауке). К слову, само возникновение качества субъективной реальности в ходе эволюции неразрывно связано со способностью психического, ментального управления, т.е. информация в форме субъективной реальности может мгновенно запускать моторные программы, вызывать соответствующие действия (современные исследования в нейролингвистике, в том числе касающиеся «зеркальных нейронов» и «зеркальных систем» убедительно свидетельствуют о такого рода фундаментальной связи. См. об этом: 31).

2) Ментальная причина наиболее ярко проявляется в произвольных действиях, обусловленных ценностно-смысловой структурой нашего Я. Эти действия находятся за пределами физического объяснения, но, как уже говорилось выше, доступны для информационного и психофизиологического объяснения. Известно, что более высокая по ценностному и вероятному рангу ментальное явление способно обладать более мощным причинным действием на ментальные же и на телесные процессы. Нам знакомы многочисленные факты, когда в результате психотренинга некоторые индивиды (йоги и др.) достигали поразительных эффектов психической регуляции своими вегетативными нервными процессами (обычно «закрытыми» для произвольного управления). Хорошо известны соматические эффекты «сверхценной идеи» и многие подобные проявления чрезвычайной мощи психической причинности, саморегуляции, ментально-го управления¹¹. Эти эмпирические аргументы должны находить место в способах и средствах

¹¹ Эти поразительные демонстрации силы духа представляют важнейшие фактические данные для анализа и теоретического осмысления психической причинности. Один из фактов такого рода – подвиг вольноотпущенницы Эпихариды во времена Нерона (32). Еще более разительные примеры являют нам христианские мученики, которые во имя веры выносили невероятные истязания. Не могу не вспомнить имя Бландины – рабыни-служанки из Лиона, где в 177 году была устроена знаменитая публичная казнь христиан. Ее непрестанно пытали весь день, распинали на дыбе и секли металлическими прутьями, сажали на раскаленное железное кресло, сжигавшее ее тело, бросали ее диким зверям, которые рвали ее и волочили по арене. Но всякий раз после очередной пытки на приказ отречься палачи слышали ответ: «Я христианка. Мы ничего дурного не делаем». Э. Ренан пишет: «Бландина проявила поразительную энергию и бесстрашие. Она утомила палачей, сменявшихся при ней с утра до вечера. Победленные мучители признались, что истощили все свои пытки и объявили, что не понимают, как она еще может дышать с телом изломанным и пробитым. Они уверяли, что она должна была умереть после каждой из пыток, которым она была подвергнута» (33, с. 173; см. *его же*: 34, глава 24). Таковы могут быть следствия ментальных причин. Но ведь необязательно далеко ходить. Перед нами опыт Великой Отечественной войны, многие поразительные примеры силы духа и воли, выдающиеся подвиги во имя Родины, долга, чести, справедливости. Этот опыт, к сожалению, крайне слабо используется психологами и философами.

объяснения ментальной причинности. Последнее не может быть наглухо замкнуто в логических конструкциях. Теоретическое, порывающее живые связи с эмпирическим, напоминает схоластику, не способно служить решению нашей проблемы (более подробный анализ проблемы психической причинности и психического управления содержится в: 19, с. 194 – 200).

Теперь можно, наконец, приступить к ответу на критические замечания В.В. Васильева. Приведу их полностью (но позволю себе для удобства четкого ответа автору разбить этот текст, ни в чем его не нарушая, на части, обозначив их (1), (2), (3), (4) и выделив курсивом наиболее важные места): «Главная проблема теории Дубровского, по-видимому, в том, что он не вполне проясняет, *есть ли информационная причинность просто высокоуровневое проявление базовой физической причинности*, или же она представляет собой нечто *самостоятельное*.(1) Иными словами, являются ли каузальные возможности квалиа чем-то *превосходящим каузальные возможности нейронных «кодов»*, в которых они реализованы (2), – и если да, *то как можно согласовать это с принципом каузальной замкнутости физического*. Между тем создается впечатление, что он склоняется к *отрицательному ответу*. (3) Но такой ответ крайне затрудняет объяснение того, *зачем вообще нужны квалиа*. Попытки подобного объяснения неизбежно *вращаются по кругу*, поскольку *всегда можно сказать, что все те функции, с которыми предположительно связаны квалиа, могли бы быть реализованы без них»* (4) (1, примечания к главе 4, с. 185).

Характер приведенных замечаний свидетельствует о том, что автор не выходит здесь из русла одномерного физикалистского видения проблемы, не предполагает иной теоретической перспективы. Кроме того, его аргументы являются недостаточно прицельными, поскольку он оставляет в стороне суть моей концепции.

Итак (1): информационная причинность не является «просто высокоуровневым проявлением базовой физической причинности». Она есть «нечто самостоятельное» в том смысле, что принципы ее описания и объяснения, а так же обусловленные ими концептуальные и эмпирические обоснования существенно отличаются от принципов описания и объяснения физической причинности, от теоретического и эмпирического базиса ее обоснования. Этим определяется и онтологический статус информационной (и ментальной) причинности. Как будто в науке возможно обоснование онтологических утверждений, минуя анализ и обоснование тех познавательных средств (теоретических и эмпирических), с помощью которых это производится. Здесь желательно оставить в стороне метафизические конструкции и интерпретации, которые, на мой взгляд, сами по себе в данном случае мало продуктивны. Безусловно, они могут вовлекаться в обсуждение проблемы ментальной причинности, но это потребовало бы дополнительных рассуждений и специального анализа.

(2). Являются или не являются «каузальные возможности квалиа чем-то превосходящим каузальные возможности нейронных «кодов», в которых они реализованы»? Вопрос не вполне корректен, поскольку неясен смысл термина «превосходящий» («быть превосходящим»). Всякое квалиа необходимо воплощено в своем нейронном коде, не существует вне и помимо него (это следует из первой посылки моей концепции). Но одно и то же по содержанию квалиа может быть воплощено в разных нейронных кодах и вызывать различные следствия, из которых одно может «превосходить» другое (по каким-то показателям, в том числе и по физическому эффекту). Не исключено и то, что квалиа в одном и том же кодовом воплощении, но в другом функциональном контексте способно вызывать следствие, намного «превосходящее» предыдущие и т.д. Но, главное, в том, как уже много раз говорилось, что нейронный код является функциональной динамической структурой, несущей информацию, сами по себе физические компоненты и свойства которого не определяют вызываемое им данное конкретное следствие.

(3) И тут следует «роковой» пункт, насчет «принципа каузальной замкнутости физического». В.В. Васильев как будто снимает с меня подозрение, что я его отрицаю. И напрасно! В той трактовке этого принципа, который представлен в его книге, я не могу его принять, о чем уже шла речь. На мой взгляд, автор берет его в виде абстрактного клише, как и в случаях употребления «ментального» и «физического». Мы, говорит В.В. Васильев, не можем помыслить ничего, что отличалось бы от «ментального» и «физического», «ничего такого представить мы не в

состоянии» (1, с. 82). Точно так же мы не можем себе представить нечто отличное от «каузальной замкнутости физического». Здесь у нас «просто нет альтернативы» (1, с. 211). Кто такие «мы», к сожалению, не уточняется. В современной космологии, однако, есть такая альтернатива, например, Большой взрыв¹².

Судя по всему В.В. Васильев истолковывает принцип каузальной замкнутости физического в том смысле, что всякое событие в мире имеет *достаточную физическую причину*. С этим, однако, нельзя согласиться. Очевидно, что некоторые причины не могут именоваться физическими (об этом также уже шла речь).

(4) Далее следует стандартный для аналитической философии ход мысли: если я допускаю необходимую воплощенность квалиа (информации) в нервном коде, то непонятно зачем нужны квалиа, и я попадаю якобы в замкнутый круг. В.В. Васильев мог бы продолжить свой ход мысли: если я допускаю, что информация необходимо воплощена в своем коде, то непонятно, *зачем нужна информация*. Она тоже оказывается эпифеноменом! Таково типичное рассуждение радикального физикалиста, игнорирующего специфику информационного процесса, информационного управления, явлений самоорганизации и саморегуляции. Для него «физическое» покрывает и «объясняет» все мыслимые изменения в мире, включая биологические и социальные. «Каузальная замкнутость физического» действительно порождает «замкнутый круг». Он возникает не только для редукционистов-физикалистов, но и для редукционистов-функционалистов.

Важно подчеркнуть, что В.В. Васильев, как и многие теоретики, в мышлении которых берет верх парадигма физикализма, не разводит четко понятия «физического» и «функционального», нередко отождествляют «функциональное» с «физическим» (см., например, 1, с. 234 и многие др.). Редукционисты-функционалисты типа Деннета игнорируют специфику ментальных функций, ограничивают понятие функции поведенческими актами, отождествляют информацию и ее носитель. С этой позиции, конечно, тоже неясно, зачем нужны квалиа. Но парадигма функционализма – это надо еще раз подчеркнуть – вовсе не предполагает только редукционистскую программу и методологию объяснения явлений субъективной реальности (ментального), она способна служить теоретической основой информационного подхода к решению «трудной проблемы». Эти вопросы многократно обсуждались в моих работах, и нет нужды снова к ним возвращаться.

Вызывает удивление, что истолкования В.В. Васильевым понятий «физического» и «каузальной замкнутости физического» совершенно отключены от современных философских и метанаучных трактовок детерминизма, которые широко обсуждаются в нашей и зарубежной литературе (см., например: 36). Для него как бы не существует категорий случайности, спонтанности, вероятностной детерминации, саморегуляции и самодетерминации, точек бифуркации и диссипативных систем. Он не касается обсуждения вопросов о телеономических процессах первого и второго рода, разработок проблемы «целевой причинности», которые казалось бы столь близки задаче обоснования ментальной причинности, крайне важны для методологии функционализма и понимания ее роли в исследованиях самоорганизующихся систем¹³.

¹² «Тут нарушается вовсе физическая каузальность: возникновение Вселенной происходит без предшествовавших Большому взрыву во времени физических причин» (35, с.280). Можно привести многие другие примеры; к их числу относится явление «квантовой акаузальности». В результате экспериментально подтвержденного нарушения неравенства Белла «оказалось, что пары квантовых частиц, находящихся в так называемом запутанном состоянии, обнаруживают между собой корреляцию, которая не обладает никакими чертами физической причинности» (там же, с. 282). Я привел эти примеры, чтобы отметить некорректность трактовки В.В. Васильевым «принципа каузальной замкнутости физического» с позиций современного физического знания.

¹³ Достаточно напомнить об основательной разработке проблемы «целевой причинности», «функционально-целевого подхода» и концепции «органического детерминизма» И.Т. Фроловым, труды которого недавно переизданы (37). Е.А. Мамчур справедливо отмечает: «если существуют такие феномены, как саморегуляция и самоорганизация, закономерности которых не редуцируемы к каузальным, можно утверждать, что телеономизм (второго рода) в природе также существует» (38, с. 248). Еще более определенно выражается по поводу «телеологического объяснения» В.Г. Борзенков, подчеркивающий теоретическое и методологическое значение концепции «целевой причинности» в исследовании биологиче-

Надо отметить, что В.В. Васильев в последней главе своей книги не раз видоизменяет, дополняет, уточняет свои соображения по вопросам «каузальной замкнутости», ментальной причинности, реальности квалиа, его связи с Я и с головным мозгом. Это вызвано стремлением построить свою концепцию решения «трудной проблемы», которая требует более подробного, внимательного рассмотрения.

5. «Назад в будущее»

Так, несколько игриво, названа последняя глава книги, в которой В.В. Васильев предлагает собственную концепцию, претендующую на оригинальность. По его словам, «в системах Сёрла, Деннета и Чалмерса нет, пожалуй, ни одного принципиального положения, касающегося «трудной проблемы», под которым я бы мог подписаться» (1, с. 234). Более того, он говорит о «драматизме» ситуации в современной аналитической философии, состоящей в том, что в ней «пока мы просто не увидели реальных попыток позитивно решить «трудную проблему»» (там же, с. 190). Против этого трудно возразить.

В чем же заключается оригинальность? В.В. Васильев считает, что для решения «трудной проблемы» нужно исходить из «истин здравого смысла», из их феноменологического анализа. Именно такой подход может дать желаемый результат. Он предупреждает читателя, что его феноменология «будет не совсем обычной», что «это будет не дескриптивная феноменология, характерная, к примеру, для Гуссерля, а аргументативная, или аналитическая, феноменология, с давних пор привлекавшая мое внимание» (там же, с. 206).

В ходе рассуждений, которые, на мой взгляд, мало напоминают феноменологический анализ (и тем более оставляют совершенно неясной заявленную особенность «аргументативной, или аналитической, феноменологии»), автор заключает, что «к истинам здравого смысла можно причислить универсальные положения, необходимо связанные с механизмом человеческого познания. И мы, – заявляет он, – нашли такое положение – принцип тождества прошлого и будущего» (там же, с.210). Он называет его «аксиомой тождества» и подчеркивает, что это «строгое тождество», так как оно «имеет силу в обоих направлениях» (там же, с. 223). Однако В.В. Васильев оговаривается, что «принцип тождества» «не является тезисом здравого смысла. Скорее, его надо выявлять с помощью рефлексии» (там же, с. 210). И он предпринимает ряд «рефлексий» с целью обоснования универсальности «тождества прошлого и будущего», рассуждая о связи «сингулярного» и «совокупного события», об «устройстве моей когнитивной способности», подтверждающем якобы такое «тождество».

На мой взгляд, его рефлексии и интерпретации «строгости тождества» прошлого и будущего слишком абстрактны и «безразмерны», вступают в противоречие со многим суждениям здравого смысла, не говоря уже о теоретическом понимании соотношения прошлого и будущего, о решении этих вопросов в современной физике и синергетике, от которых автор полностью отрешен. Вряд ли нужно доказывать, что «принцип тождества», полагаемый в качестве универсального, является в высшей степени сомнительным.

Тем не менее, автор кладет этот «принцип» в основу своей концепции решения «трудной проблемы сознания» и выводит из него положение о том, что «каждое событие имеет причину» (там же). А она, конечно, является физической. Таким образом, «само устройство моей когнитивной способности – продолжает он – навязывает мне тезис о каузальной замкнутости физического» (там же, с. 211).

Но как быть с ментальной причиной? Ей ведь не остается места. В.В. Васильев признает, что тут «мы сбились с пути» (там же, с. 213) и что «сбой» произошел из-за того, что «анализ истоков каузальной веры проводился на поверхностном уровне» (там же, с.214). Он «углубляет анализ», обнаруживая сложность структуры причинного действия, в частности, возможность

ских самоорганизующихся систем (39). Особенно хотелось бы отметить статью Ю. В. Сачкова (40), в которой есть специальный раздел «На путях к информационной причинности». В нем он, опираясь на труды Н.А. Бернштейна, В.А. Энгельгардта, М. Эйгена, Б. Б. Кадомцева и других крупных ученых, приходит к выводу, что «информационный аспект» выступает сейчас в учении о причинности на первый план, так как связан «с раскрытием оснований внутренней динамики сложных систем» (там же, с.40).

одного и того же события быть следствием разных причин, и приходит к выводу, что «причины событий с необходимостью проявляют свою каузальность лишь при наличии у них тождественной каузальной истории. Таким образом, мы допускаем возможность влияния прошлого на ход событий» (там же, с. 214 – 215). Прошлое же индивида сохраняется на его «приватном уровне». «И теперь ясно, что оно действительно может играть роль в детерминации нашего поведения, при том, что каждое событие нашей жизни имеет публичную, физическую причину. Все дело в том, что эти физические причины необходимо вынуждают наше поведение лишь при условии их встроенности в те ряды событий, которые имели место в нашем прошлом, а оно оседает в образной памяти, фундирующей объекты наших интенций, т.е. в частных ментальных состояниях. Вот мы и отыскивали выход из старого лабиринта ментальной каузальности» (там же, с. 215).

Но не будем спешить с поздравлениями. Автор заявляет, что ему удалось совместить принцип каузальной замкнутости физического с признанием ментальной причинности. Но ведь то, что «оседает в образной памяти», есть бывшее ментальное; до тех пор пока оно хранится в памяти, оно лишено качества субъективной реальности, обретая его снова лишь в результате актуализации. Только тогда оно может быть названо ментальным и, значит, выступать в роли ментальной причины. Как мы видим уже не в первый раз, само качество ментального у автора вынесено за скобки, а в таком случае неправомерно вести речь о ментальной причине. Часто он отождествляет ментальное с «контентом» (с его «содержанием»). Однако «контент» может существовать на бессознательном уровне, может быть отчужден и существовать в виде записанных на бумаге слов и в иных формах объективации (в иных кодах), в которых нет и не может быть ментального качества. Оно возникает только будучи воплощенным в форме определенных нейродинамических кодов головного мозга. Кроме того, остается неясным, что такое «тождественная каузальная история» причины события. Для прояснения этого автору надо, конечно, привлечь «Демона Лапласа», которому известны абсолютно все начальные условия.

Но главный вопрос всё же в следующем: если автор признает каузальную роль ментального («нефизического», «непространственного»), то **каким образом и чем** оно способно действовать на физическое, вызывать поведенческие акты? Это пока остается полнейшей загадкой.

Как явствует из предыдущего изложения в его книге все усилия В.В. Васильева направлены против эпифеноменализма; он стремится опровергнуть его, теоретизируя с позиций «истин здравого смысла» (многие его доводы кажутся мне избыточными, ибо и без многоярусных построений автора несостоятельность эпифеноменализма с позиций здравого смысла и так достаточно ясна). Разумеется, обоснование ментальной причинности предполагает теоретическое опровержение эпифеноменализма. Но ведь для этого достаточно лишь ответить на поставленный выше главный вопрос. В.В. Васильев все время уходит от этого вопроса, рассуждая о вещах, которые не имеют к нему прямого отношения (о «зомби», «двойниках», о «локальных» и «нелокальных физических коррелятах моего поведения» и др.). И вот, наконец, вывод: «Главный результат: есть все основания считать, что наши частные качественные состояния оказывают реальное влияние на наше поведение. И это реальное влияние не связано с тем, что данные состояния просто тождественны физическим процессам в мозге и оказывают воздействие в силу такого тождества. Мы выяснили, что они не только не тождественны таким состояниям, но и не находятся к ним в отношении супервентности, т.е. не являются чем-то таким, что однозначно соответствует определенным состояниям мозга» (там же, с. 219).

В этом «главном результате» тоже нет ответа на главный вопрос. Ментальное не тождественно «процессам в мозге» и не находится с ними в отношении однозначного соответствия. Так что же это такое? И как оно оказывает свое «реальное влияние», если не является физическим?

Не проясняют эти ключевые вопросы и рассуждения В.В. Васильева на тему: «Почему мозг не может обходиться собственными, физическими силами? Зачем ему нужно сначала породить квалиа?» (там же, с. 220). Квалиа – отвечает он – нужны мозгу потому что без них он не сможет осуществлять человеческое поведение, ибо «никакая чисто физическая машинерия не может продублировать человеческое поведение»; роботы-зомби невозможны, у них нет индивидуальной истории, нет прошлого, они будут «одинаково реагировать на свое окружение», а у человека есть частная история, есть память с ее «ментальным контентом», что и обеспечивает

его «неодинаковое» реагирование (там же, с. 220 – 221). Такого рода аргументы представляются мне не вполне корректными (о чем уже говорилось). Ко всему они бьют мимо цели. Ведь у многих живых систем, например, растений, нет ментального, но есть индивидуальная история, есть память; она есть и у амебы и в каждой клетке организма.

В.В. Васильев еще добавляет хорошо известный эволюционный аргумент о преимуществах живых систем, наделенных квалиа. Это – достойный аргумент, но используемый автором в абстрактном виде, без основательной конкретизации, он так же оставляет в стороне главный вопрос «трудной проблемы».

Поскольку при попытках объяснить ментальную причинность В.В. Васильев очень много места уделяет соотношению «локальных» и «нелокальных физических факторов», полагая, что именно тут кроется ключ к его концепции, приведу еще одно высказывание: «При понимании того, что нелокальные физические причины могут действовать только через локальные в одном смысле – т.е. сопряженные с данным автономным рядом – и нелокальные в другом смысле – приватные факторы, становится очевидной невозможность обойтись без квалиа, без приватного измерения» (там же, с. 227). В примечании к этому тексту автор добавляет: «Этим, стало быть, завершается феноменологическая дедукция понятия ментальной каузальности» (там же, с. 244).

Вот, собственно, и вся концепция В.В. Васильева, ее «сухой остаток». Это подтверждается итоговым определением: «Итак, «трудная проблема» получает следующее решение: квалиа сопровождают функционирование человеческого мозга (а, вероятно, и других неклассических систем), потому, что они являются необходимыми условиями продуцирования мозгом такого поведения организма, которое он фактически продуцирует и которое учитывает его индивидуализированный опыт» (там же, с. 232). В примечании автора к этому заключению читаем: «Одновременно с «трудной» решается так называемая «более трудная проблема сознания» (термин Н. Блока)... Ответ таков: при отсутствии сознания другие существа не могли бы демонстрировать сходное с нами поведение, а именно проходить тотальный тест Тьюринга» (там же, с. 246). Опять вариации на ту же, вполне ясную тему, что без квалиа невозможно человеческое поведение.

Прошу извинить меня за слишком обильное цитирование текстов В.В. Васильева, но я хотел, чтобы автор говорил сам за себя. Читатель может самостоятельно оценить качество предлагаемой концепции. На мой же взгляд, она ограничивается весьма абстрактными, не вполне определенными положениями и не только не решает «трудную проблему сознания», но даже не ставит ее достаточно полно и четко. Ведь автор обходит, затушевывает ее ключевой пункт – способ действия ментального («нефизического» на «физическое»).

Разумеется, совершенно обойти этот вопрос невозможно. И когда автор подходит к нему, его суждения и выводы оказываются либо не вполне определенными, либо элементарно некорректными. Приведу лишь некоторые примеры. Он пишет: «хотя мозг действительно порождает квалиа, но каузальная роль качественных состояний шире того нейронного базиса, на основе которого они возникают» (там же, с. 231). Она шире потому, что «отчасти определяется окружением организма, взаимодействие с которым наполняет наши приватные формы ментальным контентом» (там же). Как будто в мозгу существуют какие-то ментальные контенты с их каузальной функцией сами по себе, вне и помимо их нейронного базиса. И как будто есть текущие ментальные контенты, совершенно независимые от окружения организма.

Вместе с тем автор характеризует ментальные состояния как **«онтологически отличные от физических процессов»** (там же, с. 235). Отличие же состоит в том, что «они размещаются в «приватном измерении материальной системы» и «отражают ее физическое прошлое» (там же). А поэтому они и обладают способностью воздействовать на материальную систему. «Отражение физического прошлого» вряд ли достаточно для объяснения **онтологической специфики ментального** и его способности воздействовать на материальную систему, не говоря о том, что содержание термина «отражение» здесь недостаточно ясно. Еще более неясно, как ментальные состояния *«размещаются»* в *«приватном измерении»*.

Когда В.В. Васильеву приходится говорить о конкретных вопросах связи ментального с мозговыми нейронными процессами, о «порождении» ментального мозгом отмеченные неопределенности и некорректности усугубляются (см. там же, с. 219, 220, 221, 225, 251 и др.).

Например, он утверждает, что его концепция, отрицающая отношение супервентности, «сразу заставляет пересмотреть ряд распространенных представлений о связи мозга и сознания» (там же, с.119). В частности, она «ставит под сомнение возможность отыскания фиксированных нейронных коррелятов сознательных состояний» и прежде всего «ментальных образов» (там же). Крайне упрощенная трактовка возможности отыскания корреляции, игнорирующая вопросы соотношения единичного и общего, оригинального и инвариантного, содержательного и формального в описаниях ментальных явлений и соответственно нейронных процессов, способна создать впечатление о правдоподобности выводов автора. Однако они вопиюще противоречат действительности. В последние годы достигнуты выдающиеся результаты в установлении именно таких нейронных коррелятов путем расшифровки нейродинамических кодов «ментальных образов» в работах Гэлэнта, Нишимото, Николелеса и др. (см. : 27). Как говорится: тем хуже для фактов!

Нередко создается впечатление, что для автора ментальное – это все-таки какое-то «особое», «микроуровневое» физическое явление, обусловленное квантовыми феноменами. «Поскольку порождение сознания мозгом нельзя мыслить по модели каузальной зависимости, то его следует мыслить, скорее, как создание им приватного пространства для ментальных состояний» (1, с. 331). Что такое «приватное пространство для ментальных состояний», и каким образом мозг создает его в себе? Ведь ментальным состояниям нельзя приписывать пространственные характеристики. Остается думать, что это «приватное пространство» является физическим образованием. Как пишет В.В. Васильев, «есть определенные основания допускать, что подобное пространство может возникать не только в мозге, но и в гораздо более примитивных системах. И возникает оно при появлении в функционировании таких материальных систем того, что можно назвать квантовыми эффектами» (там же, с. 331 – 332). Поскольку квалиа «связаны с нелокальными физическими явлениями» и события в мозге «не полностью детерминированы локальными физическими обстоятельствами», то «роль квалиа в таком случае сопоставима с фактором вызывающим коллапс волновой функции, – но ведь именно эта роль может отводиться качественным состояниям (сознанию) в ряде интерпретаций квантовой механики» (там же, с. 227). И хотя, продолжает автор, «некоторые из выдвинутых гипотез уже пошатнулись», он не теряет надежды: «Что-то здесь обязательно будет найдено» (там же).

Несмотря на многочисленные заявления В.В. Васильева, что он решительный противник физикалистского редукционизма, проводимое им истолкование принципа каузальной замкнутости физического неотступно влечет его именно к физическому (в данном случае к квантово-механическому) объяснению природы ментального, иначе «ментальному» нечем «зацепиться» за «физическое». Отсюда и его предположение, что «возникновение сознания» зависит от «квантовых макроэффектов в мозге», и это, как он полагает, должно быть весьма интересно для философии (там же, с. 227 – 228)¹⁴.

Но особенно ярко подобная физикалистская ориентация автора, замкнутость его мысли в рамках парадигмы физикализма, проявляется в том, что он смело отрицает свободу воли, повторяя точь-в-точь аргументы радикальных физикалистов (см., например: 42; подробно эти вопросы обсуждаются мной в: 19, с. 205 – 207 и др.).

На этом стоит остановиться. Верно отмечая, что наше Я так же зависит от мозга как любое квалиа, В.В. Васильев считает, что оно «не может быть центром ментальной каузальности... Не может это Я быть и источником свободных решений» (там же, с. 229). По его убеждению, «тема ментальной каузальности часто смешивается с проблемой свободы воли. Но это совершенно разные вещи» (там же).

¹⁴ Критический анализ попыток квантово-механического объяснения сознания содержится в одной из моих работ (41).

«Смешивать», конечно, не нужно. Однако, связь между ментальной причинностью и свободой воли – прямая и крайне существенная. Если нет ментальной причинности, то нет свободы воли. И если есть свобода воли, то есть ментальная причинность. Но если нет свободы воли (т. е. моей способности по своему желанию, выбору, решению пойти, например, в театр), то о какой ментальной причинности может идти речь (разве что о каких-то инстинктивных действиях и случаях крайне слабо осознаваемых интуитивных актов и автоматизмов). Ментальная причинность так или иначе связана с Я, это проявляется даже в случаях тяжелой психопатологии (43).

Посмотрим, как автор аргументирует отрицание свободы воли. Истоком представления о свободе воли, по его словам, «служит то, что можно назвать «чувством свободы». И говорит оно о том, что, скажем, через секунду я могу поступить так или иначе. Но если мы проанализируем его, мы убедимся в его иллюзорности» (там же, с. 230). Далее идет «анализ»: «Уверенность, что то или иное событие реально возможно, основано на перенесении прошлого опыта на будущее – и в данном случае это именно так, поскольку, думая о возможных действиях, мы перебираем далеко не все варианты, в частности, я не считаю возможным через секунду оказаться в Париже. Но перенесение прошлого на будущее, как мы знаем, предполагает веру в детерминированность событий. Это значит, что в любой конкретной ситуации мы должны допускать только одно реально возможное развитие событий. Ощущение же вероятности, а, значит, и реальной возможности разных вариантов берется от ограниченности нашего знания деталей. Таким образом, чувство свободы иллюзорно...» (там же).

Читатель может сам оценить уровень этого «анализа» и его результат. Забавно, что этот результат автор не прилагает к самому себе. А ведь у него выходит, что когда он писал приведенный текст, то каждый фрагмент его мысли, водивший в соответствующую секунду его рукой, был предзадан его физическим прошлым и ему только казалось, что именно он, сам решает, какое слово надо написать следующим. Эта кажимость проистекала от незнания скрытых от него причин. Тем не менее, В.В. Васильев верит и готов убедить нас, что именно он создал этот текст и что этот текст является оригинальным и выражает истину, а вот его оппоненты заблуждаются; и у него нет даже «ощущения вероятности» собственных суждений.

Парадоксальность отрицания свободы воли лежит здесь на поверхности. Она аннулирует авторство В.В. Васильева, его личную ответственность за написанные им слова, перечеркивает понятие творчества, более того – те «истины здравого смысла», которые он так высоко ставил в начале своих рассуждений о «трудной проблеме». Здесь налицо столь распространенный феномен «отрешенности от себя» – когда то, что утверждается автором о сознании вообще в то же время не относится им к собственному сознанию.

Любопытно, что вера В.В. Васильева в собственное решение «трудной проблемы» столь велика, что он не допускает возможности альтернативных концепций. В «Послесловии» он прямо говорит, что после того как в его книге были раскритикованы и отвергнуты концепции «ведущих философов ХХI века» Сёрла, Деннета и Чалмерса, во взглядах этих авторов возможно «произойдут какие-то подвижки». Но «они могут свестись либо к тому, что они просто обменяются взглядами – и тогда мы не увидим прогресса в решении проблемы сознания, – либо они могут *стать движением в направлении той концепции, которая была развернута в последней главе*» (там же, с. 248. Курсив мой – Д.Д.). Третьего не дано! Пожелаем Сёрлу, Деннету и Чалмерсу успешного выбора (если только они, конечно, обладают свободой воли!).

В.В. Васильев именует свою концепцию «локальным интеракционизмом» или еще «эмерджентным интеракционизмом». В последнем случае – это напоминает позицию Сёрла, несостоятельность которой отмечалось выше. Первое название, говорит автор, является «наиболее точным» (там же, с. 233). Но что такое «локальный интеракционизм»? Он поясняет: признавая каузальную действенность сознания, «я тем самым сближаюсь с интеракционистской позицией», но «этот интеракционизм позволяет избежать нарушения принципа каузальной замкнутости физического» (там же). Однако, в том-то и дело, что остается теоретически неясным, как осуществляется «интеракция», каков способ связи явлений сознания, субъективной реальности (ментального, квалиа) с мозговыми процессами и с физическими объектами вообще. Этот главный вопрос

остался нерешенным, а постольку автором не достигнута и главная его цель – совместить признание ментальной причинности с «принципом каузальной замкнутости физического».

6. Вместо заключения

Цель этой статьи состояла не только в критическом разборе книги В. В. Васильева, но и в том, чтобы на ее примере показать ограниченность теоретических возможностей современной аналитической философии в разработке проблемы «сознание и мозг». Ведь В.В. Васильев строго движется в ее концептуальном русле. Обсуждая эту проблему и пытаясь ее решить, он использует основной арсенал теоретических средств и методов анализа, выработанный в аналитической философии, типичные для нее постановки вопросов, подходы, способы мышления. Автор прямо заявляет, что именно к аналитическим философам «в первую очередь обращена эта книга» (там же, с. 216), что его аргументы и решения, касающиеся соотношения мозга и сознания, «можно классифицировать в качестве вариаций на тему аналитической философии» (там же, с. 248).

Трудно подумать, что концепция В.В. Васильева, претендующая на решение «трудной» проблемы, помогает преодолеть «драматизм» ситуации, сложившейся, по его словам, в аналитической философии при разработке этой проблемы.

Хорошо известны крупные достижения аналитической философии в области анализа языка, методологии науки, в исследовании ряда важных эпистемологических и онтологических вопросов. Для меня школа аналитической философии, которую я прошел, к сожалению, уже в весьма зрелом возрасте, была крайне полезна, и я уверен, что те, кто ее не прошел, многое теряют в своем философском развитии. Полувековой опыт разработки проблемы «сознание и мозг» в аналитической философии тоже был и остается для меня весьма ценным. Но почему же, несмотря на столь длительный, огромный труд многих серьезных и одаренных мыслителей в разработке этой проблемы не были достигнуты значительные теоретические прорывы?¹⁵

Не берусь однозначно ответить на этот вопрос. Но все же рискну высказать несколько соображений. Ведь и я более полувека работаю в этой области, развиваю свою концепцию, хорошо сознавая ее не более чем пробный характер, знаю ее слабые места, но пока еще верю, что информационный подход имеет смысл и способен развиваться в контексте НБИК – процесса конвергенции *нано* (науки и технологии), *био* (науки и технологии), *инфо* (науки и технологии) и *когнитивной* (науки и технологии). Этот контекст во все большей мере включает социогуманитарную составляющую, социальные науки и социальные технологии; и теперь аббревиатуру НБИК, введенную более 10 лет назад, пора заменить на **НБИКС**.

Именно конвергентное развитие НБИКС определяет в наше время парадигмальное содержание научной картины мира и стратегические ориентиры земной цивилизации. Разработка проблемы «сознание и мозг» – важнейшее звено когнитивных наук и когнитивных технологий; она в существенной степени формирует новые подходы в информатике, компьютерном моделировании, в развитии информационных технологий и тем самым во всей системе НБИКС. В свою очередь, разработка проблемы «сознание и мозг» будет все шире использовать теоретические, экспериментальные и методические достижения конвергентного развития НБИКС, которые ярко выражают свой постнеклассический характер.

Как мне кажется, недостаточная эффективность разработки проблемы «сознание и мозг» в аналитической философии связана во многом с инерцией классических установок физикалистского и редукционистского типа. Это проявлялось и в узком, сугубо бихевиоральном истолковании функционализма, в недооценке его парадигмального значения для исследования самоорганизующихся систем и психических явлений. На мой взгляд, столь актуальная для второй половины прошлого века проблематика *самоорганизации* и *самодетерминации* осталась на пе-

¹⁵ Еще более мрачную оценку результатов разработки этой проблемы дают некоторые ведущие представители аналитической философии. Так, по мнению Т. Нагеля, сейчас «ни у кого нет правдоподобного ответа на проблему духа и тела» (44, с. 101); в решении этой проблемы возник «тупик» (там же, с. 102); между сознанием и мозговыми процессами существует связь, «остающаяся для нас непостижимой» (там же, с. 107).

риферии теоретических интересов и разработок аналитической философии, касающихся явлений сознания. Бурное развитие информационных технологий и информационного общества довольно слабо сказалось на устоявшихся подходах к проблеме «сознание и мозг» и на используемом концептуальном аппарате (в нем, в частности, не нашла должного выражения специфика информационных процессов по сравнению с физическими, недостаточно осмыслен характер связи информации и ее носителя, не говоря уже о том, что в нем трудно заметить какое-либо влияние со стороны результатов конвергентного развития НБИКС). Сам по себе высоко профессиональный логико-лингвистический анализ без новых подходов и новых идей, без учета тех крупных достижений, которые демонстрирует нейронаука и система НБИКС в целом, вряд ли способен привести к желаемым результатам. Несмотря на колоссальное число англоязычных философских публикаций по проблеме «сознание и мозг», крайне трудно найти на них какие-либо ссылки в работах ведущих представителей нейронауки, занимающихся той же проблемой.

Конвергентное развитие НБИКС существенно изменяет отношения между классическими разделами научного знания; оно органически сочетает функции научного познания и технологического конструирования, создавая новые интегральные объекты, которые объединяют в себе физические, химические, биологические, информационные, психические и социально значимые свойства. Это – «антропоморфные технические системы, подобные конструкциям, создаваемым живой природой» (45). «Великий синтез наук и технологий XXI века», как его часто называют, носит трансдисциплинарный характер, ставит острые эпистемологические, экзистенциальные и социальные проблемы, но вместе с тем открывает небывалые перспективы преобразования человека и общества. Он формирует новые познавательные средства и концептуальные структуры, новые теоретические и экспериментальные подходы к решению фундаментальных проблем (46, 47 и др.). И это целиком относится к проблеме «сознание и мозг». Открывается качественно новый этап ее разработки, в которой философы призваны принять активное участие.

Литература:

1. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М. Прогресс-Традиция, 2009. 271 с.
2. Нагуманова С.Ф. Проблема материалистического объяснения сознания в аналитической философии // Проблема сознания в философии и науке. Под ред. Д.И. Дубровского. М., Канон+, 2009.
3. Нагуманова С. Ф. Достаточен ли «Аргумент мыслимости» для опровержения материалистического понимания сознания // Проблема сознания философии и науке.
4. Нагуманова С.Ф. Аргумент знания в дискуссиях о природе сознания // Вопросы философии, 2008, № 8.
5. Алексеев А. Ю. Понятие «Зомби» и проблема сознания // Проблема сознания в философии и науке.
6. Проблема сознания в философии и науке. Под ред. Д.И. Дубровского. М., Канон+, 2009, 472 с.
7. Дубровский Д.И. Новое открытие сознания? (По поводу книги Джона Серла «Открывая сознание заново» // Вопросы философии, 2003, № 7 (перепечатана в: 12).
8. Дубровский Д. И. В «Театре» Дэниэла Деннета (Об одной популярной концепции сознания) // Философия сознания: история и современность. М. Современные тетради, 2003 (перепечатана в: 12).
9. Дубровский Д. И. Зачем субъективная реальность, или «почему информационные процессы не идут в темноте?» (Ответ Д. Чалмерсу) // Вопросы философии, 2007, № 3 (перепечатана в: 12).
10. Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. М., «Наука», 1971, 386 с.
11. Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность, Изд. 2-е, доп., Канон+, М., 2002. 366 с. (первое изд. : М. Мысль, 1983. 230 с.).
12. Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М. Стратегия-Центр, 2007. 265 с.
13. Павлов И.П. Полное собр. соч. Изд. 2, т.2, кн. 2. М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
14. Дубровский Д. И. Анализ-синтез как всеобщая форма отражательной деятельности мозга // Труды Сталинского государственного медицинского института, том XI. Сталино, Донбасс, 1958; *его же*: Соотношение психического и физиологического (в свете некоторых понятий кибернетики) // У11 съезд Украинского физиологического общества. Тезисы докладов. АН УССР. Киев, 1964 (на украинском яз.); *его же*: Некоторые методологические вопросы соотношения кибернетики и физиологии // Тезисы итоговой научной конференции Донецкого медицинского института. Донецк, 1964; *его же*: Методологические вопросы исследования психо-соматических корреляций // Вопросы гигиены и эпидемиологии Донбасса. Донец, 1964; *его же*: Философия и медицина // Вестник Академии медицинских наук СССР, 1965, № 1; *его же*: К вопросу о возможных путях моделирования высших нейродинамических процессов // Вопросы гигиены и эпидемиологии Донбасса. Донецк, 1965; *его же*: По поводу принципов мо-

- делирования нервных функций // Моделирование функций нервной системы. Изд. Ростовского университета. Ростов н Д. 1965; *его же*: Физиологическое и психическое // Медицинская газета. 14. 09. 1965; и др.
15. *Дубровский Д. И.* Физиологическое и логическое // Вопросы философии, 1966, № 8; *его же*: Некоторые философские аспекты психофизиологической проблемы // Философские проблемы современного естествознания. Изд. Киевского ун-та. Киев, 1967. Вып. 8; *его же*: К проблеме «сознание и мозг» // Сознание. М., 1967; *его же*: Психическое и соматическое // Диалектико-материалистический анализ основных понятий биологии и медицины. Изд. Киевского ун-та. Киев, 1968; *его же*: Категория сознания в психиатрии и нейрофизиологии. Там же; *его же*: О некоторых особенностях психического управления в связи с проблемой целостности живых систем // Целостность и биология. Киев, 1968; *его же*: Мозг и психика // Вопросы философии, 1968, № 8 (статья, положившая начало дискуссии с Э.В. Ильенковым); *его же*: Философский анализ психо-физиологической проблемы. Автореф. диссерт. на соискание ученой степени доктора филос. наук. Ростов-на-Дону, 1968, 55 с.; *его же*: По поводу статьи Э.В. Ильенкова «Психика и мозг» // Вопросы философии, 1969, № 3; и др.
16. *Danto A.C.* Representational Properties and Mind-Body Identity // Review of Metaphysics, 1973, vol. XXVI, № 3.
17. *Hoocker C.A.* The Information-processing Approach to the Brsin-Mind and its Philosophical Ramification // Philosophy and Phenomenological Research, 1975, vol. XXXVI, № 1.
18. *Дубровский Д.И.* Информационный подход к проблеме «сознание и мозг» // Вопросы философии, 1976, № 11
19. *Дубровский Д.И.* Информация, сознание, мозг. М., «Высшая школа», 1980, 286 с.
20. *Нагель Т.* Мыслимость невозможного и проблема духа и тела // Вопросы философии, 2001, № 8.
21. *Дубровский Д.И.* Проблема духа и тела: возможности решения (в связи со статьей Т. Нагеля «Мыслимость невозможного и проблема духа и тела» // Вопросы философии, 2002, № 10.
22. *Chalmers D.J.* Facing up to the problem of consciousness // Journal of Consciousness Studies, 1995, 2 (3).
23. Сёрл Дж. Открывая сознание заново. М., 2002.
24. *Brandt R., Kim J.* The logic of the Identity Theory // Modern Materialism: Readings on Mind-Body Identity. N.-Y., Chicago, 1969.
25. *Feigl H.* The “Mental” and the “Physical” // Minnesota Studies in the Philosophy of Science, Univ. of Minnesota Press, Minneapolis, 1958, vol. II.
26. Информационный подход в междисциплинарной перспективе (материалы Круглого стола) // Вопросы философии, 2010, № 2.
27. *Николелис М. и Рибейро С.* В поисках нейронного кода // В мире науки, 2007, № 4; *Стикс Г.* Как подключиться к мозгу // В мире науки, 2009, № 2; *Дубровский Д.И.* Философские подходы к проблеме «мозг и психика». К вопросу о расшифровке нейродинамических кодов явлений субъективной реальности (Доклад на Научной сессии Общего собрания Российской академии наук «Мозг: фундаментальные и прикладные проблемы» 15 декабря 2009г.) // Вестник Российской академии наук, 2010, № 5 – 6.
28. *Матюшкин Д.П.* О возможных нейрофизиологических основах природы внутреннего «Я» человека // Физиология человека, 2007, т. 33, № 4, с.1 – 10; *его же*: Проблема природы внутреннего Эго чело века. М. Слово, 2003.
29. *Черняк А. З.* К вопросу о каузальной эффективности ментальных свойств // Философия сознания: классика и современность. Вторые Грязновские чтения. М., 2007.
30. *Крик Фрэнсис.* Безумный поиск. Личный взгляд на научное открытие. М.- Ижевск, 2004.
31. *Черниговская Т.В.* Человеческое в человеке: сознание и нейронная сеть // Проблема сознания в философии и науке.
32. *Дубровский Д.И.* Обман: философско-психологический анализ. Изд. 2, доп. М., Канон+, 2010.
33. *Ренан Эрнест.* Марк Аврелий и конец античного мира. С-Петербург, Терра, 1991.
34. *Ренан Эрнест.* Христианская церковь. С-Петербург. Изд. Н. Глаголева, 1991.
35. *Захаров В. Д.* Свобода в природном мире // Спонтанность и детерминизм. М., Наука, 2006.
36. Причинность и телеономизм в современной естественнонаучной парадигме. М., 2002; Спонтанность и детерминизм. М., 2006. и др.
37. *Фролов И. Т.* Детерминизм и телеология. М. Книжный дом «Либроком», 2010.
38. *Мамчур Е.А.* Спонтанность и телеологизм // Спонтанность и детерминизм. М., Наука, 2006.
39. *Борзенков В.Г.* Является ли теория Дарвина телеологической? // Спонтанность и детерминизм.
40. *Сачков Ю. В.* Эволюция учений о причинности // Спонтанность и детерминизм.
41. *Дубровский Д.И.* Бессознательное (в его отношениях к сознательному) и квантовая механика // Философские науки, 2006, № 8 (перепечатана в: 12).
42. *Pratt C.C.* Free Will Mind, Matter and Method/ Minneapolis, 1966.
43. *Литвак Л.М.* «Жизнь после смерти»: предсмертные переживания и природа психоза. Опыт самонаблюдения и психоневрологического исследования. Под ред. Д.И.Дубровского. М. Канон+, 2007.
44. *Нагель Т.* Мыслимость невозможного и проблема духа и тела // Вопросы философии, 2001, № 8.
45. *Ковальчук М. В.* Нанотехнология и научный прогресс // Философские науки, 2008, №1; *его же*: Направленные прорыва: конвергентные НБИК-технологии // Технополис XXI, 2009, № 3 (19).
46. *Аршинов В.И., Лебедев М.В.* Философские проблемы развития и применения нанотехнологий // Философские науки, 2008, № 1.
47. *Горохов В.Г.* Трансформация понятия «машина» в нанотехнологии // Вопросы философии, 2009, № 9.